

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ НАЧАЛА XX в. В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

В.В. Поликарпов
журнал «Вопросы истории»

Аннотация: *Состояние военной промышленности России 1914–1917 гг. рассматривается как верный показатель уровня развития страны накануне революции. Этот вопрос является не только предметом исторических исследований, но и полем пропаганды идей шовинизма, милитаризма, государственничества. Под ее влиянием в литературе накапливаются искаженные и фальсифицированные фактические данные, формирующие в целом превратную, ложно-оптимистическую картину исторической действительности в интересах военно-полицейской бюрократии. Апология ее милитаристкой и репрессивной деятельности выражается в затушевывании провалов в снабжении фронта мировой войны, в изображении массовых протестов как порождения изменнической деятельности. Становясь на этот путь, историография усваивает вульгаризированные методы работы с источниками и деградирует.*

Ключевые слова: *Первая мировая война 1914–1918 гг.; оборонные услуги; военная промышленность России; металлургия; русская артиллерия; орудия, винтовки, снаряды, автомобили; генерал А.А. Маниковский; русские военные заказы в США и Франции; милитаристская пропаганда; православные мыслители; методы фальсификации.*

Состояние военно-промышленного производства России в начале XX в., особенно в условиях Первой мировой войны, представляет интерес не только ввиду влияния этой хозяйственно-политической сферы на ход событий, определявших судьбу Империи, но и в более общем плане. Военное производство, являясь средоточием высших технических достижений, отражает состояние и возможности общества в целом, его экономики и культуры. Итоговое, в ходе войны, напряжение этого ресурса жизнеспособности режима может служить важнейшим показателем для объективно значимой, разноплановой оценки всего пройденного государством пути. Частью данной проблемы является выяснение взаимосвязи экономических, политических и социально-структурных факторов в возникновении кризиса 1917 года. Ряд западных историков придерживается убеждения, что при объяснении революции в первую голову надлежит проследить действие политических сил, приведенных в движение войной, отводя второстепенную роль экономическим факторам. «Россия не рухнула экономически. Самодержавие потерпело, скорее, политический крах»; более того, хозяйственный кризис в

то время «не являлся кризисом упадка», «это был больше кризис роста» [Holquist 2005: 45]¹. Такая точка зрения утверждается и в новейшей российской историографии.

Изучить взаимосвязь хозяйственных и политических процессов в условиях войны позволяют как раз данные, относящиеся к военно-промышленному производству. Но имеющийся в распоряжении историков для этого фактический материал нуждается не только в дальнейшем пополнении, но и в систематизации; в обсуждении также и самого подхода к источникам.

Военную промышленность рассматривают как «составную часть международной системы угрозы и военных конфликтов, тогда как прочие отрасли промышленности обслуживают международный обмен»; продукция ее либо используется для разрушительных действий, либо хранится в запасе до истечения срока годности для военных целей. Это определение П. Гэтрелл раскрывает с экономической точки зрения: такая продукция не предназначается для производительного использования и столь же непригодна для личного потребления [Gatrell 1994: 5–6; Васютович 1980: 56; Кравченко 1970: 17]. Она представляет собой, таким образом, производимые для государства «непосредственные потребительные стоимости» — специфические предметы потребления, которые необходимы исключительно военному аппарату власти и выпадают из процесса обращения капитала [Маркс, Энгельс 1968: 457–459, 544]. Не учитывая этого, П.П. Маслов в свое время ошибочно полагал, что и в производстве вооружений кругооборот капитала нормально замыкается, раз государство приобретает, оплачивает изготовленные (в своей или другой стране) средства насилия [Маслов 1926: 46, 114; Маслов 1923b: 41–42]. Лишь отчасти он прав: предметы, приготовленные, казалось бы, для снабжения армии, но пригодные и для личного потребления, принципиально не отличаются от продукции гражданского назначения. Для определения же их действительного места в классификации мало знать, на что они пригодны в принципе: все зависит от того, поступили ли они на деле, в конечном счете в личное потребление полезного работника, то есть продолжают участвовать в обращении стоимостей, или же пропали зря, достались какому-нибудь унтеру Пришибееву [Кравченко 1970: 17; Хошимура 1978: 60].

При выработке в начале 1917 г. плана демобилизации производств Особая финансово-экономическая комиссия провела классификацию военных заказов, и она рассматривала заказанные для армии обувь, одежду, повозки, автомобили как предметы, «могущие быть употребленными и в мирное время». К этому классу другая правительственная комиссия добавила военно-санитарные и ветеринарные запасы, авиационные моторы. Что же касается «артиллерийских заготовлений», то лишь кислоты смогла комиссия отнести к разряду тех продуктов, которые могут пригодиться и в случае их «излишка для целей войны» [РГИА ф. 23, оп. 27, д. 218, л. 8об.; ГАРФ ф. 6, оп. 2, д. 225, л. 4]. В сентябре 1917 г. Военное министерство (А.А. Маниковский) предложило Временному правительству воспользоваться неистраченными армейскими запасами, чтобы преодолеть «затруднения в получении хлеба от населения»: для этого Московский областной продовольственный комитет должен был обменять на хлеб «накопившееся негодное имущество». В особых условиях разрушенного гражданского снабжения могло найти сбыт даже «все то, что оказывается в армии изношенным и пришедшим в негодность для дальнейшего употребления и затруднительно для починки распоряжением интендантства»: потрепанное обмундирование, белье, теплые вещи, обувь, конская принадлежность, обозное имущество, металлический лом и пр. [РГИА, ф. 1276, оп. 13, д. 452, л. 13] В 1920 г. тот же вопрос разграничения встал практически, когда правительства США и Великобритании остановили вывоз в Россию железнодорожного оборудования — как «материалов, которые могут быть использованы для войны». Советское правительство безуспешно пыталось «возможно шире толковать значение слова „небоевые“, включая в эту группу предметы железнодорожного снабжения, а также машины, станки, инстру-

¹ Автор ссылается на работы предшественников — Н. Стоуна [Stone 1975], П.Б. Струве и др.

менты, пригодные для производства предметов небоевого значения», и заказанные «для нужд гражданского населения» сукно, обувь [Фураев 1964: 51; Ганелин 1987: 98–99].

Таким образом, хозяйственная и политическая практика того времени заставляла различать используемые в военных целях производства, обособляя среди них изготовление собственно боевых средств — вооружения, боеприпасов, всего того, что идет на уничтожение людей, разрушение материальных ценностей и ни на что более не пригодно. В отношении же менее специфической продукции выступал на первый план характер фактического конечного ее использования.

Ту же схему можно распространить и на классификацию предприятий в своих отраслях. Наряду с артиллерийскими заводами и арсеналами, вообще специальными предприятиями — поставщиками военных ведомств, в снабжении вооруженных сил участвовали еще и многие другие предприятия, чуть ли не целиком крупнейшие отрасли промышленности, вплоть до текстильной. Расширение этой сферы изучения путем включения в нее производства предметов, не предназначенных исключительно для военно-государственного потребления, оказывается неизбежным в исследованиях о военно-экономическом потенциале. В трудах о военной экономике А.Л. Сидорова, П. Гэтрелла, К.Н. Тарновского и др. соответствующее внимание уделено топливной, химической промышленности, металлургии и прочим номинально (и отчасти действительно) гражданским отраслям хозяйства.

Изолированному рассмотрению военного хозяйства препятствует также действовавшая статистическая классификация: специальные военные производства в ней, как правило, вовсе не фигурировали, скрытые в рубриках машиностроения, химии и других промышленных отраслей. На несовершенство принятой статистической классификации с точки зрения историка указал А.Л. Сидоров, не удовлетворенный подсчетами Н.Я. Воробьева: этот статистик «причисляет к „государственной обороне“ только снаряды, оружие и другие предметы разрушения, а все остальные предметы, которые могли употребляться для мирного обихода, им исключены. С такой методикой классификации материала нельзя согласиться, — писал Сидоров. — Получается довольно странная картина: пушка — предмет обороны, а металл и уголь, которые употреблены при ее изготовлении, — предметы мирного потребления» [Сидоров 1973: 368]. И в самом деле, без искажения сути явлений хозяйственные ресурсы, затраченные на производство вооружения, не могут выпасть из рассмотрения.

Обращение исследователей к вопросу о месте, весомости военной индустрии в Империи породило разногласия при оценке того влияния, какое оказала на общее состояние экономики предвоенная гонка вооружений, — роли ее в создании наблюдавшегося промышленного оживления и подъема. По мнению ряда авторов, происходившее в 1912–1914 гг. вовлечение все более обширного круга предприятий в исполнение военных заказов не имело решающего значения, подъем имел в основе естественные рыночно-конъюнктурные процессы. Другие считают, что именно бросив на вооружения те средства, которые были собраны благодаря удачным урожаям и высоким мировым ценам на хлеб, а также путем внешних займов, правительство вызвало промышленное оживление и рост.

Действительно, российская индустрия получила от военных ведомств столько заказов, что оказалась не в состоянии покрыть их запросы. Выступая в мае 1914 г. перед промышленниками, министр С.И. Тимашев указывал на появление «сильно приподнятого спроса, на который промышленность ответить не может». Этот «колоссальный, быть может, беспрецедентный в истории нашей промышленности» спрос, сказал министр торговли и промышленности, «как вы знаете, прежде всего и главным образом вызывается крупными заказами казны. Мы имеем перед собою на полмиллиарда заказов по программе [военного] судостроения, огромные расходы на перевооружение армии, постройку [стратегических] железных дорог, коих разрешено на сумму свыше 700 млн руб., портостроительство... Ответить на такой спрос

сразу, без подготовки совершенно невозможно»². На этой основе складывалось, по существу, то, что ныне нередко именуют командной экономикой.

Состоялись колоссальные по российским масштабам бюджетные ассигнования. Получив все мыслимые военные заказы и авансы, дельцы спешно возводили новые заводы, расширяли существующие; сооружали верфи. Размах этой деятельности превысил внутренние возможности и ресурсы: и металла и топлива недоставало, нехватку приходилось покрывать беспрошльным ввозом из-за рубежа, с ущербом для таможенных доходов казны. Частные и казенные заводы, получившие артиллерийские заказы перед войной (в том числе Путиловский, Обуховский), срывали сроки, опаздывая на многие месяцы — уже и во время войны; не справлялось с обязательствами акционерное общество, взявшееся соорудить в Царицыне крупнейший в империи завод тяжелых орудий. Важные военные и морские заказы пришлось отдать иностранным фирмам, не исключая германские.

Яснее оценить значение правительственных ассигнований для промышленного подъема можно, если учесть, что в предвоенные два года держалась неблагоприятная для инвестиционной деятельности хозяйственно-политическая конъюнктура. Иностранные частные кредиторы и инвесторы проявляли сдержанность ввиду международной военной напряженности. К декабрю 1913 г. дело дошло фактически до биржевого краха, с кульминацией кризиса в Петербурге и Париже в начале июня 1914 г. «Неблагоприятные для экономической жизни обстоятельства, которые были отмечены в прошлогоднем нашем отчете, продолжались и в 1913 г., — жаловались финансисты. — Ибо хотя военные действия на Балканском полуострове закончились в половине года, но нельзя сказать, чтоб одновременно настало успокоение; напротив, тревожное настроение и страх перед новыми осложнениями все тяготели над развитием экономической жизни, тормозя предприимчивость и вызывая сдержанность и дороговизну капитала. Такое повсеместное положение дел отразилось и на нашем рынке, находящемся в тесной зависимости от заграничных денежных центров. Поэтому в продолжение всего отчетного года заметна была у нас большая дороговизна денег, сопряженная с крайнею осторожностью в предоставлении кредитов, причем исправность платежей оставляла желать многого»³. Эта сдержанность и осторожность непосредственно отразились, например, на судьбе Путиловского и Невского заводов, реорганизации и расширению которых помешал отказ в финансировании со стороны французских партнеров. На фоне такой сдержанности заграничных инвесторов могло показаться, что «начало расти значение внутренних накоплений» [Бородкин, Коновалова 2010: 140].

Даже после открытия военных действий, когда уже обнаружались признаки «снарядного голода», частные заводчики не проявили готовности сами направить свои капиталы на развертывание артиллерийских производств, ограничиваясь преимущественно использованием авансов по заказам, казенных субсидий на постройки и приобретение оборудования, то есть тех самых «внутренних накоплений» бюджета. Сигналы «конъюнктуры» они осознали тогда, когда экономика стала командной в самом прямом смысле. 18 сентября 1914 г. верховный главнокомандующий потребовал от военного министра дать максимальный «срочный заказ русским металлургическим заводам», привлечь частные заводы «хотя бы реквизиционным порядком, к выделке снарядов». Военный министр и сам еще 9 сентября вызвал к себе представителей фирм, и они тут только узнали, какова действительная нужда в снарядах и что в создавшихся обстоятельствах для правительства «вопрос о цене имеет второстепенное значение». Прибывший на это совещание и.д. начальника Генерального штаба «с последней телеграммой о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки... стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требова-

² Торгово-промышленная газета. 1914, 3 мая.

³ Отчет об операциях и положении дел Коммерческого банка в Варшаве за 1913 г., представленный Советом [банка]. Варшава, 1914. См. также: Сидоров 1973: 334; Löhr 1985: 172, 176, 177; Girault 1972: 1002; International banking... 1991: 466; Шепелев 1973: 250; Нетесин 1980: 117, 154; Торпан 1988: 116–117.

ниями армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше, какой угодно ценой» [Сидоров 1973: 24–26].

В классическом выражении историческое изучение военной промышленности предполагает тот подход, который реализован в исследованиях А.Л. Сидорова, Л.Г. Бескровного и особенно К.Ф. Шацилло, когда история военного хозяйства России не замыкается в себе, а включает существенные для понимания предмета вопросы политики, стратегии, международных финансовых отношений. Подобные вопросы рассматриваются в той мере, в какой это оказывается необходимым для уяснения процессов, происходивших в самом производстве военных материалов. Иной, узко экономический взгляд, не учитывающий исторического, комплексного характера проблемы, приводит к недопустимым упрощениям и в освещении собственно экономических явлений.

Применение к военной экономике России методов макроэкономических расчетов, неизбежно основанных на стоимостных индексах и показателях, зачастую принципиально противоречит характеру этой неоднородной среды. Какие бы акробатические приемы стоимостных исчислений ни применялись в компиляции данных о динамике российской экономики военного времени — нет возможности выразить конкретно влияние на количественные соотношения со стороны таких фундаментальных явлений, как, например, натуральный характер хозяйствования и его принудительная товаризация или, скажем, ценообразование, основанное на неэквивалентном обмене между сельскохозяйственным и промышленным производством [Островский 1993: 138; Вайнштейн 1960: 128–129]. Вне сферы рыночных, стоимостных отношений находилось не только военное производство (с его больше бюрократическими, чем стоимостными измерителями, как это свойственно режиму командной экономики), но и другая, гигантская по сравнению с военной промышленностью сфера — океан деревенских хозяйств и экономий, которые «выпадали из экономической ткани общества». По поводу расчетов народнохозяйственного накопления А.Л. Вайнштейн заметил, что здесь тем больше сложностей, «чем на более низкой стадии капиталистического развития находится данная страна и чем большую роль играет в ней натуральный и мелкотоварный уклад хозяйства». В условиях же войны сельские хозяева мало того что потеряли чуть не половину собственной и две трети наемной рабочей силы и прибегали к массовому использованию подневольных работников (военнопленных, беженцев, солдат) — они к тому же отказывались продавать свою продукцию на рынке за деньги, замыкались в своем натуральном существовании [Gatrell 2005: 245, 257;⁴ Вайнштейн 1960: 425]. Эти три (рыночная, командная, частная натуральная) столь резко различающиеся сферы хозяйства не образуют однородной статистической совокупности, допускающей над собой дальнейшие операции: рыночная экономика являлась лишь «одной из подсистем народного хозяйства» [Бокарев 2007: 22]. Денежный стоимостной измеритель бесполезен и для оценок, касающихся специальных военных производств в российских условиях начала XX в.

Попытки выразить в конкретных величинах стоимость продукции военных предприятий наталкиваются на непреодолимые препятствия из-за принципиальной непригодности источников, казалось бы, содержащих нужные показатели. В первую очередь это касается сведений о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями. Горное ведомство признавало, что ни заводоуправления, ни центральные органы не имели хотя бы приблизительного понятия о том, во что обходятся заводам отдельные категории военных изделий. Даже в якобы «коммерчески» управляемых морских заводах постановка учета принципиально отличалась от обычной бухгалтерии частных предприятий и не позволяла ориентироваться в действительных издержках. Как показал К.Ф. Шацилло, в этом и не было необходимости, поскольку натуральный результат хозяйствования в этой сфере — выпуск вооружения —

⁴ Тут же приведены результаты подсчетов ВВП в разных вариантах: по А. Мэдисону, П. Грегори, Д. Паркеру (р. 238).

никак не соотносился с отсутствующими у «хозяйствующего субъекта» представлениями об эффективности в экономическом смысле.

При исчислении макроэкономических показателей, национальных счетов «остро дискуссионным» (А.Л. Вайнштейн) оказывается вопрос — следует ли учитывать в составе народного дохода военные производства и в целом «оборонные услуги» (как и прочие «правительственные услуги»). Острота вопроса обусловлена его идеологически, политически окрашенным характером. Как известно, К. Маркс, рассматривая процесс распределения произведенной в обществе прибавочной стоимости, указывал на существование, «наряду с промышленным капиталистом», таких ее получателей, как землевладелец (земельную ренту), ростовщик (проценты), но не забыл «также еще и правительство со своими чиновниками... и т. д.» Обслуживание правительственного, государственного аппарата, а значит и вооруженных сил, согласно этой теории, должно учитываться в качестве «непроизводительного труда» (в составе этой же категории Маркс для более рельефной наглядности называл занятия клира, проституток, вульгарных экономистов, прокуроров и т. п.).

Экономисты М. Харрисон и А. Маркевич, со своей стороны, полагают, что все это следует включать в исчисления со знаком плюс: такая методология «все же по меньшей мере дает представление о производственных возможностях общества» и позволяет «сопоставлять полученные результаты с данными исследований по другим периодам и странам» [Маркевич, Харрисон 2013: 10–11, 22]. С. Кузнец придерживался иной точки зрения, рассматривая сферу обороны, внутренней охраны, репрессивную деятельность государства как нечто не относящееся к «тем государственным услугам, которые приносят непосредственную пользу членам нации как конечным потребителям», — в отличие от сферы образования, здравоохранения [Вайнштейн 2000а: 234]. (Такая точка зрения не вполне реалистична: некоторым «членам нации» все это как раз на пользу, и весьма ощутимую; только не в качестве «услуги» с плюсом в балансе нации, а в качестве статьи непроизводительного потребления, то есть с вычетом [Люксембург 1923: 474, 532, 535].) Также и по мнению Р. Хиггса, так называемые «оборонные услуги» по своей природе настолько отличаются от обычного производства, что они не должны учитываться наряду с ним в составе внутреннего валового продукта.

Возражая Хиггсу, Харрисон и Маркевич упрощенно излагают его позицию: он якобы ошибочно считает, что только производство товаров и услуг гражданского назначения «способствует росту благосостояния». В действительности же Хиггс ссылается еще и на другое — на такие свойства военной экономики, которые заводят в тупик количественные расчеты экономистов, а против этого его соображения Харрисон и Маркевич ничего не выдвигают. Помимо обычных затруднений, связанных с выработкой более или менее точных индексов, пишет Хиггс, «фундаментальное значение имеет то, что бессмысленно подсчитывать национальный продукт, когда отсутствуют рыночные цены» [Higgs 1999: 604–605, 618]⁵. Хиггс указывает в этой связи на «произвольность цен и подавление свободы распоряжения ресурсами в командной экономике» военного времени, отчего «лишаются смысла прямые сравнения национального продукта»; «оценки национального продукта в условиях командной экономики по самой своей сути произвольны». На этом-то основании он и считает неправомерным говорить о «процветании», «экономическом буме военного времени». «Командная экономика, — пишет Хиггс, — и рыночная экономика... подчиняются разным законам, и перед лицом этого коренного аналитического затруднения мы должны признать, что на некоторые вопросы просто невозможно найти ответ». Хиггс как раз и выступает против тех экономистов и историков экономики, которые пытаются опираться на «теоретически безосновательные данные о ка-

⁵ И далее: «Хозяйство военного времени с его произвольной [byzantine], постоянно изменяющейся структурой запретов, приоритетов, графиков исполнения, физического размещения, приостановки, отмены и ограничения заказов, квотированием, субсидиями, контролем цен, распределением товаров и кредитов, воздействием на процент, трудом военнообязанных и бронированных работников и широким прямым правительственным инвестированием в основные капиталы промышленности...».

зенном производстве и искаженные данные о частном производстве, когда идет речь о командной экономике». Характерно, что свои критические соображения о принципах анализа военной экономики и возникающих в этой области непреодолимых затруднениях с исчислениями Хиггс высказал применительно к США времен Второй мировой войны, тогда как в отношении России 1914–1917 гг. статистические источники дают историкам экономики еще меньше возможностей.

Впрочем, исследователи, увлеченные идеей о «взрывном» росте экономической активности, успехах индустриализации в воюющей России, даже имея перед глазами основные статистические показатели, предпочитают погружаться в догадки, предположения. «Возможно, является не таким уж преувеличением предполагать», пишет, например, Стоун, что индустрия с ее 3,6 млн рабочих к 1917 г. забрала из деревни больше мужчин работоспособного возраста, чем 15-миллионная армия [Stone 1975: 284–285; Strachan 2001: 1094–1095]⁶.

Что же касается влияния военной экономики на общественное благосостояние, то и в этом вопросе на первый план выступает не столько абсолютная величина народного дохода, сколько его материальное, натурально-вещественное содержание [Вайнштейн 2000b: 157–158]. Харрисон и Маркевич задаются целью показать роль военных расходов в росте «благосостояния населения», с тем чтобы оценить «средний уровень жизни граждан» империи. В противоречии с выраженным намерением те же авторы соглашаются, что при расчете национального дохода надо бы «исключить оборонные услуги» (и что Хиггс в этом прав), а «в идеале следовало бы также вычесть... потребление материальных ресурсов в военных целях, но для этого нет данных». Они этого и не делают, а наоборот, недопустимо упростив свою задачу, выводят максимальную («возможную верхнюю») границу благосостояния населения России в 1914–1917 годах. Такой, откровенно облегченный, подход, как им представляется, позволяет включить в исчисления «сектор оборонных услуг»: «содержание армии» плюс «произвольную поправку» в 50% на «оборонные капитальные услуги» [Маркевич, Харрисон 2013: 10, 22, 66, 67, 23].

Максималистски-жизнерадостный подход Харрисона—Маркевича, по существу, сближается с идеологией «особого пути» русских неопочвенников. В ней лишь термин «оборонные услуги» заменяется столь же привлекательным и государственночески благодушным — «невещественное богатство», подразумевающее «правопорядок, безопасность, духовность». Неопочвенники полагают, что таким образом ресурсы страны получают употребление «в социально значимых... отраслях», особенно значимых для российского «мобилизационного типа развития», здесь «государство — носитель общего блага, оно выражает общенациональный интерес» [Афанасенко 2012: 318–319, 332–333]⁷. Соответственно, применительно к российской практике 1914–1917 гг., потребовалось бы учесть в качестве «оборонных услуг» не только само по себе содержание войск, но и их «работу» по организации опустошения оставляемых местностей, насильственной эвакуации сотен тысяч мирных обывателей из западных областей России, сопровождавшуюся уничтожением и разграблением их имущества, стрельбу по недовольным рабочим в Иваново-Вознесенске, Костроме и Петрограде и т. п. Такое переименование («оборонные услуги») означает не что иное, как попытку устранить из анализа категорию «непроизводительного труда», относящегося к сфере надстройки, государства.

Замкнутость исследования в узко статистической сфере, в отрыве от «всей экономики и, особенно, характера самого общества», ведет к ошибкам [Ханин 1993: 92 и др.]. Если не из-

⁶ По тенденциозности обращения с фактами Н. Стоун едва ли многим уступит таким своим советским современникам, как И.В. Маевский, А.П. Погребинский или Н.Н. Яковлев. Многие англоязычные историки, не пользующиеся русской литературой, до сих пор воспринимают его труд о Восточном фронте как надежный источник.

⁷ «Исправляя» классическую политэкономия в этом ключе, они опираются на традицию от «Книги Велеса» и И.Т. Посошкова до К.Н. Леонтьева, евразийцев и писателя Вл. Личутина (там же. Passim).

бегать междисциплинарного анализа, а значит исторического подхода, то трактовка военного производства как особых «услуг» — надо признать — все же содержит непроизвольно выразившееся рациональное начало, но ей недостает логической законченности. Упоминание об «услугах» в таком случае естественно порождает вопрос — «услуги кому?», приносят ли они «непосредственную пользу членам нации как *конечным* потребителям» [Вайнштейн 2000а: 234]? Ответ Харрисона и Маркевича, как и самобытных государственников, который подракумеваается, но не высказан, — услуги предназначены «обществу» (нации, государству); но это сразу же перемещает отвлеченные рассуждения на реальную историческую почву и обнажает их необоснованность.

С точки зрения Николая II и его единомышленников, например, имперская политика на Дальнем Востоке, вызвавшая войну с Японией, требовала жертв и оказания «оборонных услуг» на несколько миллиардов рублей — больше годового бюджета империи. Но у других современников переживания той войны породили тяжелые сомнения — было ли нужно сооружать крепость Порт-Артур с необходимыми для нее устройствами и вооружением, тратить колоссальные средства на оказавшиеся негодными корабли русской постройки, на содержание колониального аппарата и войск, призрение увечных, на расстрелянные и уничтоженные орудия и боеприпасы. Власть «расточает народные силы» зря: расходы на КВЖД и овладение Маньчжурией — это «всенародная грамотность, самодержавной властью отнятая у русского народа и отданная японцам и американцам», писал П.Б. Струве [цит. по: Гнатюк 1998: 102]. «Наши порты и адмиралтейства», жаловался публицисту М.О. Меньшикову не названный им по имени «выдающийся корабельный инженер», — это «страшный паразит, сосущий драгоценные соки родины». Было распространено мнение: «Затратьте полмиллиарда [не на флот, а] на выкуп земли у дворян или на народное образование — и каждая из этих реформ в одно десятилетие удвоит силы России». Меньшиков в 1905 г. оспаривал это мнение, но в 1912 г., встревоженный угрозой нежелательной войны с Германией, и сам развил ту же тему: «Мы ежегодно тратим до миллиарда на армию и флот, и все-таки не имеем пока ни флота, ни готовой к войне армии. Но тот же миллиард, вложенный в какое хотите культурное дело... мог бы сдвинуть нас с мели... Под страхом нашествий тех самых врагов, которые трепещут нашего нашествия, мы обираем, что называется, у нищего суму, выколачиваем подати...»⁸.

Кадетский орган в этом вопросе не расходился с «Новым временем»: «Ужасные уроки показали нам, что и внешнее могущество и величие страны не могут выдерживать пренебрежения к интересам внутреннего развития. Германия со всем своим милитаризмом была бы лишь колоссом на глиняных ногах, если бы она не опиралась на необычайное развитие промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру. Какое непонимание великих исторических уроков, какое легкомыслие — думать, что сила государства измеряется его военным и морским бюджетом» [Котляревский 1908: 81]⁹.

Все вместе они повторяли то, к чему просвещенный бюрократ А.В. Головнин пришел полвеком раньше: «Действительная сила России заключается не в армии, не во флоте... Россия ожидает дорог, разрешения крестьянского вопроса, учреждения других судов и полиции,

⁸ В более полном виде его рассуждения не лишены интереса: «Миллиард, вложенный в мелиорацию земли, в орошение ее... в ремесленное образование, в санитарное оздоровление народа (одна чудовищная детская смертность чего стоит!), — даже один миллиард, честно вложенный, не разворованный по дороге, — мог бы сдвинуть нас с мели... Пусть несчастные вырождаются и вымирают — нам непременно нужно вогнать в среднюю „душу населения“ двенадцать бутылок водки в год, иначе нечем содержать армию и флот даже в теперешнем „неготовом“ виде» [Новое время, 4.IX.1905; 16.II, 16.IX.1912].

⁹ «Ведь подъем умственного развития и материального благосостояния народа, — добавлял военный обозреватель, — так же необходим для усиления военной мощи государства», а между тем «средний бюджет русского обывателя в 3–4 раза меньше, чем германца или француза» [Новое время, 20.VII.1908]. Вообще «развитие военных сил, несоразмерное с финансами, ослабляет государство даже в военном отношении», — писал министр финансов Александра II М.Х. Рейтерн [цит. по: Шевырëв 1990: 41].

другой системы взимания государственных доходов, устройства народных школ и вообще учреждений, которые прямо поведут к увеличению благосостояния империи, а с тем вместе и силы ее». Строить же боевые корабли — «нет денег на подобные затеи, составляющие предмет роскоши, а не насущной потребности империи» [цит. по: Шевырёв 1990: 34–35]. В.И. Вернадский считал, что учреждение ряда специальных исследовательских институтов с целью изучения недр «не менее необходимо для выхода из тяжелого положения в связи с войной, чем, например, создание... сверхдредноутов», чем пушки и снаряды. «Можно создать все исследовательские институты, сделав одним сверхдредноутом меньше» [Вернадский 1922: 68].

Таким образом, в оценках «государственно мыслящих» людей — вовсе не анархистов или социалистов и не пацифистов — «услуги» стране и обществу требовались иные, чем это представляла себе верховная власть. Да и в самом правительстве понимание необходимости определенных «оборонных услуг» не было однородным. В частном письме бывшему дипломату и коллеге по Комитету финансов П.А. Сабурову министр финансов В.Н. Коковцов высказал свое отношение к сложившемуся курсу так: «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение... Будущее полно мрачных предзнаменований, и я не вижу, откуда мог бы блеснуть нам луч успокоения... Хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора умерить фантазии, которые ведут нас к гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в... стремлении брать деньги на всё, вместо того чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт» [РГАЛИ Ф. 1208. Оп. 1. Д. 80. Л. 16].

Понятно, что ни Меньшиков, ни Коковцов, ни другие бюрократические и политические деятели, отвергая проводимый курс, не выступали против любых «оборонных услуг» вообще, но очевидно, что конкретно названных «услуг» они не добивались и не одобряли. Излишне было бы доказывать, что другая часть общества, еще более значительная, причастная к производительному труду, ничего для себя доброго от этих «услуг» не ожидала и только несла потери.

Вопреки неисторическим и противоречивым построениям цитированных экономистов, «услугами» такого рода удовлетворялись запросы, повышалось благосостояние не общества в целом, а лишь возвысившейся над ним касты — прежде всего персон, допущенных к решению главных вопросов государственной военной и экономической стратегии. «Благосостояние» этой касты не сводилось к вульгарным личным доходам (в том числе от теневой военно-промышленной деятельности), допускающим исчисление в деньгах¹⁰. Точно очерченные материальные проявления успеха лишь сопутствовали чему-то менее обозримому, но несравнимо более значимому. Доступ к рычагам управления национальными ресурсами в соответствии с сугубо личным пониманием «государственных интересов», позволяющий тешить свое властолюбие и тщеславие, испытывая от этого, конечно, неизмеримое в статистических единицах, социально переживаемое ощущение «административного восторга», — особая неисследованная статья «личного потребления», дополняющая общежитейское благополучие¹¹.

Включая «оборонные услуги» в положительный баланс, Маркевич и Харрисон объясняют это тем, что такая методология «дает представление о производственных возможностях общества» [Маркевич, Харрисон 2013: 10]. Но и это объяснение также несостоятельно исторически: какими бы блестящими ни выглядели статистические расчетные «возможности», а на деле вся социальная система не выдержала груза «оборонных услуг», которые к тому же в

¹⁰ Как отмечает К. Рид, «управление Россией являлось семейным бизнесом Романовых» [Read 1996: 16].

¹¹ Ныне очевидно, что подобные кастовые возможности представляли собой способ реализовать присвоенные права пользования и распоряжения гигантскими, не поддающимися точному исчислению материальными средствами нации, традиционно оформленными во владение на чужое имя — аппарата власти.

реальности финансировались антантовскими кредиторами, то есть ложились на расходный баланс будущих поколений подданных Российской империи. Размышления же о якобы выявленных таким путем возможностях — «потенциальном уровне общественного благосостояния, которого общество могло бы достичь при иных обстоятельствах (например, в мирное время)», — заведомо выходят за пределы научного анализа, имеют, как пишут по другому поводу те же авторы, характер «смелых предположений» чисто идеологического свойства. В отличие от них Гэттрелл признает, что «трудно разграничить» последствия войны и последствия революции 1917 года. Но есть признаки того, что в 1916 г. национальный доход начал падать и к 1917 г. «едва достигал двух третей от довоенного уровня». Происходил не подъем, а наоборот, «разрушение материальных ценностей», «истощение производительных сил» из-за роста специальных военных производств [Gatrell 2005: 240–241, 263, 236; Экономическое положение России... 1957: 110, 7].

Сам же Харрисон не зря свой «в целом скептический взгляд» на экономические последствия войны основывал не на исчислении стоимости якобы полученных народами «военных услуг», а на признании того, что «война вообще является деятельностью с отрицательным балансом». Если в экономике что-то появляется за время войны полезное, то нет доказательства того, что это «действительно результат войны и никак не могло состояться иначе, без войны»; «всегда того же результата можно достигнуть менее дорогостоящим путем» [Broadberry, Harrison 2005: 29, 2].

Обсуждаемый предмет далеко не нов; П.П. Маслов постоянно обращался к нему в ряде работ, написанных вскоре после первой мировой войны. Ему хотелось думать, что даже «самый ярый защитник» денежной оценки результатов хозяйственной деятельности едва ли «станет утверждать, что народное хозяйство обогатилось от уничтожения товаров, хотя, несомненно, их денежная ценность повысилась». Тем не менее и во времена Маслова идея, выдвигаемая Харрисоном и Маркевичем, получала выражение в милитаристской пропаганде: «И сейчас находится много экономистов, — продолжал Маслов, — которые верят, что страна обогащается не только от роста производства предметов вооружения, но даже от ведения войны». Но «реальное накопление не может получиться из процесса разрушения»; выпуск предметов непроизводительного потребления, предметов роскоши и вооружения «разрушает производительные силы», сокращает их, задерживает развитие. Процесс накопления возможен, когда производство превышает потребление и «когда эта разница... идет снова в производство для дальнейшей продукции. Производство же военного снаряжения, давая высокие прибыли... не ведет к накоплению в народном хозяйстве», такие предметы «не получают производительного назначения». «Военное производство является... расхищением национального дохода и капитала» [Маслов 1926: 13, 21–23, 34, 45–46, 66, 90–91, 114; Маслов 1921: 85; Маслов 1923а: 585, 80, 82, 83; Маслов 1923b: 12, 13, 206]. Это «ничто иное как уничтожение сбережений страны и ее капиталов» — работа «не ради увеличения благосостояния страны, а ради уменьшения его», со знанием дела подтверждал директор Волжско-Камского банка и крупнейшего международного артиллерийского комбината [Хрулев 1916: 4–5].

Ввиду важности количественных характеристик для освещения истории российской военной промышленности трудно переоценить значение совершенствования исчислений — с учетом действительных, ограниченных возможностей имеющихся источников. Здесь в настоящее время выступает на первый план необходимость уточнений в связи с тем пересмотром характера социальных отношений, который был предложен «новым направлением» в связи с теорией многоукладности. Имеющиеся в литературе оценки вместе с рядами цифр, положенными в основание, теряют смысл, когда бывает упущена из соображения качественная разнородность объектов изучения. Для оценки состояния военной промышленности как особого сектора производства, подытоживающего экономический потенциал империи, для уяснения основных количественных соотношений может оказаться целесообразным предварительный

сдвиг исследовательских усилий как раз в сторону сравнительного изучения качественных характеристик и критической оценки источников.

Для того, чтобы разобраться, в каком состоянии находится изучение российской военной экономики, нужно иметь в поле зрения работы историков 1950-х — начала 1990-х годов. В двух книгах А.Л. Сидорова — диссертации 1943 г. (издание ее было задержано до 1973 г.) и монографии о финансах 1960 г. [Сидоров 1973; Сидоров 1960] — обобщен материал, всесторонне характеризующий состояние российской экономики во время Первой мировой войны. За минувшие 50–70 лет не появилось труда, который при такой же полноте охвата (отвлекаясь от неизбежных частных ошибок и недочетов) поднял бы изучение предмета на более высокую ступень. Другая достигнутая вершина — исследования К.Н. Тарновского о металлургии [Тарновский 1958], П.В. Волобуева о топливной индустрии и экономической политике Временного правительства, П.Д. Дузя об авиации [Дузь 1995; Дузь 1989]¹². В монографии «Советская историография российского империализма» [М., 1964] Тарновский проанализировал и сам процесс изучения экономической проблематики российского «империализма»¹³. Эта новаторская работа, появившаяся на излете первой «оттепели», содержит обобщение уроков полувековой деятельности историков и обоснование пересмотра устоявшихся представлений. Конечно, даже лучшие исследования советского времени не могли не уступать давлению навязываемых официальных схем. Тем не менее многие историки серьезно относились к своему научному поиску и, соответственно, к критике источников, а марксистская теория, которой они должны были руководствоваться, предполагала рационализм и логичность.

В 1960-х — начале 1970-х гг. в ходе дискуссий специалисты в области экономической и военной истории наметили дальнейшие задачи. На конференции 1964 г. Сидоров назвал в качестве главного недостатка отставание в исследовании «социально-политической стороны регулирования» — воздействия военной экономики на социальные и политические сдвиги. Конференция выдвинула на очередь разработку ряда «сквозных проблем», включая «национально-особенные проявления», специфические черты российского капитализма и государственного регулирования [Первая мировая война... 1968: 21–22, 5]¹⁴. На первом плане, таким образом, стояли проблемы теоретического осмысления явлений. В последующие 30 лет усилиями главным образом участника этих дискуссий К.Ф. Шацилло изучение военной экономики продвинулось как раз в том направлении, которое было намечено на упомянутой и ряде других конференций. Размышляя о путях исследования, Шацилло пришел к ряду обобщений, которые не только сохраняют силу, но и приобретают ныне все большую остроту.

Работы Шацилло, сосредоточенные прежде всего на десятилетия, предшествующем Первой мировой войне, важны особенно тем, что помогают оценить состояние военной индустрии к 1914 г. Кроме того, в них автору удалось раскрыть влияние на военно-промышленную политику стратегических и внешнеполитических соображений власти; развитие вооруженных сил он рассматривал как узловую проблему, связывающую военную организацию страны со «всею ее экономическим и культурным строем» [Шацилло 1968: 6–8]¹⁵. Выявив архаические черты в развитии русской военной индустрии, Шацилло (как и В.В. Адамов) сделал радикальный вывод о докапиталистической природе этого уклада экономики, идущий вразрез с представлениями сторонников «теории модернизации».

На состояние исследований, столь тесно связанных с военными и внешнеполитическими аспектами экономической истории, естественно, воздействуют процессы, происходящие в идеологии, в чем имели возможность убедиться историки с опытом пережитых «оттепелей» и попятных сползаний. Знаменательные сдвиги были отмечены участниками конференции,

¹² Первое издание его труда в 1944 г. вышло, в связи с арестом, без обозначения авторства.

¹³ В основном ее содержание было воспроизведено, с учетом нового в литературе, в запрещенных диссертации (1971 г.) и монографии (издана в 1990 г. посмертно, как и «Экономическое положение» Сидорова).

¹⁴ Резолюция конференции цитируется по изложению ее во вступительной статье «От редакции».

¹⁵ Шацилло цитировал В.И. Ленина.

проведенной Ассоциацией историков Первой мировой войны в 1994 г. Наряду с «характерным для последних лет восхвалением Романовых и их ближайшего окружения» В.И. Миллер указал также на «стремление части политиков и публицистов „разделаться“ с идеей интернационализма» и возрождение национализма в его шовинистическом варианте. Есть «немало тех, кому будет неприятна правда о той далекой... войне», сказал Миллер, и «уповать на „благоприятную“ для исследователей историографическую ситуацию... не следует» [Миллер 1998: 60]¹⁶.

З.П. Яхимович тоже обратила внимание на создавшиеся «условия крутой ломки методологических и ценностных ориентиров» и при этом — стремление историков без «серьезной научной разработки» проблем заполучить откуда-нибудь готовым новый «эталон научной объективности и беспристрастности». Поспешно избавляясь от своих вчерашних воззрений, они проникаются иными идеологическими предпочтениями и примеряют к ним «соображения об объективных либо ложно понятых государственных и национальных интересах». Между тем исследователи, стремившиеся критически оценивать источники, не заблуждались относительно того, что «понятие национальных интересов, широко использованное для оправдания войны правящими кругами», получало разное истолкование и внутри господствующих классов, и в массах населения, но не имело объективного содержания [Яхимович 1998: 17, 18, 20; см. также: Улуян 2002: 73–74, 138, 139, 166, 202]¹⁷.

Приведенные наблюдения, как показало все последующее, отражали реалистическое понимание перемен. Сущность сдвига определил в своей последней книге Шаццлло. Многие авторы, писал он, «вольнo или невольнo считавшие себя последовательными марксистами,.. превращались в заурядных великодержавников, апологетов милитаризма», отстаивая задним числом претензии властителей империи на «место в „европейском концерте“» — претензии, несоизмеримые военно-экономическому потенциалу страны, при губительных для ее развития последствиях. Вяжываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие «нуждам и состоянию России». Очевидно, что и Шаццлло в своем анализе военно-экономической политики проводил различие между «общегосударственными» интересами в понимании «правлящей бюрократической клики» и реальными интересами большинства народа [Шаццлло 2000: 7–12].

В конечном счете после второй недолгой «оттепели» наступила реакция. Пропаганда великодержавных установок потребовала от историографии переключиться с обоснования закономерности революции путем анализа ее «социально-экономических предпосылок» — на противоположную задачу: показать, какую процветающую империю погубила беспочвенная злодейская революция. Такого рода вывернутая наизнанку конъюнктура породила истолкование событий войны и революции 1914–1917 гг. под характерным политологически-полицейским углом зрения: революция есть «организованный активной частью контрэлиты с использованием мобилизации масс антиконституционный переворот»; все это «творят... не массы, а люди, — пишет Вяч. Никонов, — с именем и фамилией» [Никонов 2011: 13–14]¹⁸. И адресами. Налицо андрологический, так сказать, поворот: празднует победу тень Ю.В. Андропова, чье ведомство привело к завершению гигантскую идеологическую спецоперацию по замене марксизма-ленинизма православно-геббельсовским монархизмом, подав еще в 1974 г. сигнал пропаганде выпуском скандального сочинения Н.Н. Яковлева о Первой мировой войне [Ганелин 2008: 7–20].

¹⁶ Та же нота прозвучала у В.С. Дякина: «Пока есть возможность, надо исследовать...» [Анатомия революции... 1994: 52].

¹⁷ О научной бессодержательности этого понятия высказывались ранее по докладу И.В. Бестужева участники теоретического семинара В.И. Бovyкин, В.М. Кулиш, А.М. Станиславская [Историческая наука... 1969: 406, 416, 422, 423, 426]. Ныне политология относит «национальные интересы» к своим «базовым понятиям» и усиленно разрабатывает эту «золотую жилу» [Идеология «особого пути»... 2010: 161].

¹⁸ Этот новейший труд содержит ступок наиболее ходовых в соответствии с конъюнктурой обобщений, чем и удобен для характеристики преобладающих в литературе представлений.

Ввод новых установок сопровождался патетическим осуждением прежней идеологии за недостаточное человеколюбие, поскольку она отвергала «абстрактный гуманизм». В итоге же на смену классовому и интернационалистскому (хотя бы формально) подходу пришло в качестве официального государственническое понимание «национальных интересов» [Булдаков 2010: 610]. Человеколюбия от этого не прибавилось, потому что и теперь требовалось осуждать вовсе не насилие как таковое, само по себе, а лишь именно идеологию революционной гражданской («братоубийственной») войны¹⁹. Зато всякий «абстрактный гуманизм» в отношении «неприятеля» столетней давности благополучно изжит, Первая мировая война — уже не империалистическая, а «Великая» война за «национальные интересы».

Получившая ныне законченный вид схема включает отрицание «нужды и бедствий трудящихся масс» [Никонов 2011: 550]²⁰ вместе со всеми «объективными предпосылками» крушения царизма. Другая ее неотъемлемая часть — пропаганда бурного роста и имперского могущества. В этой связи данные, касающиеся экономической области, особенно военной промышленности, получают повышенную значимость как обобщающий, итоговый показатель для суждения о жизнеспособности романовской монархии и ее пригодности для модернизации [Stone 1976: 108, 109, 119]. Такая схема предписывает утверждения о необыкновенных достижениях к 1914 г. в общеэкономическом развитии, а к 1917 г. — и в снабжении вооруженных сил, о таких успехах, что «казалось, война почти выиграна» и близится дележ добычи («плодов победы»). Никонову эта «безусловная возможность» «ясно сейчас видна из нашего, исторического далека». «Шесть, максимум десять месяцев терпения, — вычисляет Б.Н. Миронов, — и Россия оказалась бы в числе стран-победительниц, а победа в войне предотвратила бы революцию и гражданскую войну». Февральская революция произошла «в стоявшей на пороге победы Российской империи» [Новейшая история отечества... 1998: 172; Новейшая история России... 2013: 4–7; Никонов 2011: 421; Миронов 2012: 639; Данилов 2010: 258; Оськин 2010: 8–9]²¹. Перешагнуть порог помешали происки то ли масонской, то ли еврейской, то ли просто купленной («проплаченной») у одних авторов немцами, а у других одновременно и англичанами) агентуры, прикрывавшейся либеральной оппозицией и революционерами. С этим иногда удается соединить подозрение, что и само участие России в несчастной для нее войне, противоречившее ее «национальным интересам», было навязано правителям империи той же всемирной «закулисой»²².

Дело представлено теперь так, что к 1917 г. кризис военного снабжения удалось преодолеть. По оценке Миронова, «в 1916 г. снабжение армии... наладилось, в частности снарядный голод [был] удовлетворен... В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении». «1917 год Россия встретила на вершине военного могущества... Военно-промышленный комплекс работал на полную силу», — пишет В.Н. Виноградов. Положение в артиллерии «стало действительно неплохим. Кризис со снарядами преодолен». По заключению Ю.С. Пивоварова (и Н. Стоуна), кризиса и вообще не было: «На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе... Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, predeterminedного не было и в помине. Однако грохнуло» [Миронов 2012: 576, 585; Виноградов 1995: 69, 70; Айрапетов 2003: 212; Stone 1975: 108, 109, 119; Пивоваров 2011: 42]. К 1917 г. экономика в целом «демонстрирова-

¹⁹ Ср. прежнее понимание «братоубийства»: «Вся Европа объята кровавым пожаром братоубийственной войны... вся печать заражена шовинизмом, разлагающе действующим на умы всего населения» [цит. по: Бас 1939: 164].

²⁰ Однако когда надобно пнуть «психологию толпы, психологию бунта», все же оказывается, что «доведенные тяготами войны до тяжелейшего положения, низы были готовы взорваться» и радикальным партиям было не чем «спекулировать» [Никонов 2011: 600; Миронов 2012: 647].

²¹ В книге Е. Белаша «Мифы первой мировой» [Белаш 2012] одна из глав посвящена как раз мифу об «утерянных победах», упущенных вследствие «козней темных сил».

²² Воспроизводится «легендарная теория, будто Россия служила орудием Англии в ее борьбе с Германией» [Нольде 1930: 68; Головин 1939: 160]. На 410 страницах подобные догадки развивает О.Ю. Данилов.

ла многие признаки подъема²³, — добавляет Никонов. — ...Голод и экономический коллапс наступят годом позже как результат деятельности постреволюционных правительств». Тогда же (а не в 1912 г.) «стало физически не хватать» угля и металла. Не в военной разрухе корень «революционной смуты 1917 г.», полагал также Э.М. Шагин, ибо сама разруха, наоборот, являлась последствием «торжества деструктивного анархического начала», Февральского злокозненного подрыва той власти, которая обеспечивала «нормальное функционирование» всех сфер жизни общества [Никонов 2011: 415–417, 421, 440, 594, 413, 904; Шагин 2008: 160–162, 495, 506, 699; Новейшая история отечества... 1998: 224; Новейшая история России... 2013: 98]. В представлении Никонова, якобы «заканчивалась постройка» четырех дредноутов для Балтийского флота и к кампании 1917 г. промышленность обеспечила русский фронт избытком орудий и снарядов, а сверх того «реализовывалась программа строительства предприятий». Автор указывает на знаменитую программу Главного артиллерийского управления (ГАУ), находившуюся к 1917 г. в начальной стадии выполнения.

Однако политологические пропагандистские миражи — это одно, а действительное состояние военной промышленности — другое. Тяжелая артиллерия, как оказалось, к 1914 г. приобрела «решающее значение». «Современные условия... выдвигают на первое место вопрос об обладании *тяжелой артиллерией*, без каковой добиться каких-либо решительных результатов ныне не представляется возможным», — писал военному министру Д.С. Шуваеву 24 мая 1916 г. начальник Генерального штаба М.А. Беляев [Маниковский 1922, ч. 2: 40; РГВИА Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 265]. Если с точки зрения командования наличие тяжелой артиллерии, откуда бы она ни взялась, оценивалось как главное условие оперативного успеха, то способность русской индустрии обеспечить фронт тяжелой артиллерией подытоживала общую дееспособность военно-промышленного аппарата империи. Впрочем, предел ставила и нехватка живой силы: иссякала возможность формировать новые батареи («почти по всем калибрам») «вследствие недостатка людей и лошадей» [Экономическое положение России... 1957, Ч. 2: 173, 182]. Но размер людских потерь зависел опять-таки от нехватки артиллерии. Начальник штаба верховного главнокомандующего В.И. Гурко 9 февраля 1917 г. объяснял М.В. Родзянко (в июне 1916 г. то же самое докладывал царю М.В. Алексеев): «Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравнении, по крайней мере в ближайшее время, не приходится и думать» [цит. по: Гаврилов, Кутузов 1968: 155; Головин 1939, Т. 1: 123]. Надежду облегчить положение Гурко не связывал с опорой на русскую промышленность, рассчитывая в предстоявших весной — летом 1917 г. операциях использовать 6-, 8-, 10-, 11-, 12-дм орудия «от наших союзников» [Gourko 1918: 220]. Тяжелая артиллерия особого назначения к моменту летнего наступления 1917 г. располагала 632 орудиями и минометами, но лишь малая их часть поступила с русских заводов: 258 пушек и 56 минометов предоставили союзники в 1917 г., а до того — они же еще почти столько же [Павлов 2008: 152; Белаш 2012: 236–238]. Всего, если полагаться на сведения Маниковского, за 1915, 1916 и 1917 гг. тяжелых и осадных орудий разных калибров русская артиллерия получила 1448 стволов, в том числе 602 было изготовлено в России и 846 у союзников (если же взять только полученные до 1917 г. 685 орудий, то 283 и 402, соответственно). Формируемые для операций 1917 г. мортирные батальоны должны были получить 4,5-дм гаубицы из Англии: «Основной тип принятой у нас гаубицы — 48-линейный, но, — по свидетельству начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского, — ввиду обнаружившегося недостатка их и невозможности изготовле-

²³ Рост наблюдался лишь «в тех губерниях, где имелись мощные военные государственные заводы и где гражданская промышленность смогла быстро переориентировать» свое производство на войну. Но те, где «преобладала обрабатывающая промышленность гражданского назначения, прежде всего пищевая и легкая, к 1917 г. значительно сократили свое производство»; «жизнеспособными в период войны были только те отрасли производства, которые работали на войну» [Румянцев 1989: 55, 58, 59, 611].

ния в достаточном количестве пришлось пойти на подкрепление нас 45-лин. английской гаубицей» [Маниковский 1922, ч. 2: 51, 73]²⁴.

В конце 1915 г., подсчитав потребности фронта до середины 1917 г., Маниковский докладывал Военному министерству, что 1400 48-лин. (122-мм) гаубиц (из требовавшихся 2396) придется заказать за границей. Он предупреждал, что «если заказ [недостающих] гаубиц за границей не состоится, получить их в России не удастся, так как ни один из существующих заводов принять заказ не может» [РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 53, 65–66. Доклад ГАУ помощнику военного министра А.С. Лукомскому, 10.XI.1915.].

Все 42-лин. (107-мм) тяжелые пушки, имевшиеся к середине 1915 г., были французского изготовления (контракт 1910 г.). При потребности в 808 таких орудий в России ожидали от Путиловского завода 315 пушек, заказанных в феврале и июле 1914 г. (с обязательством начать поставку с апреля 1916 г.; фактически этот завод дал с июня по декабрь 1916 г. 50 и в 1917 г. еще 20). В июне 1915 г. ГАУ запросило и Петроградский оружейный завод, но выяснилось, что он не мог бы одновременно с 42-лин. пушками исполнять наряд на 3-дм пушки, считавшийся в условиях маневренной войны более срочным. Тогда ГАУ адресовалось к Обуховскому заводу, и, хотя там не рассчитывали начать выпуск 42-лин. пушек раньше осени 1916 г. (по 12 в месяц), заказ на 400 пушек все же пришлось дать ему. А требовалось 808. «Так как все производство 42-лин. пушек на русских заводах следует считать данными заказами совершенно использованным, — докладывал Маниковский 10 ноября 1915 г., — то рассчитывать получить 42-лин. пушки можно только с иностранных заводов» (французских, английских или японских). На протяжении 1916 г. число скорострельных 42-лин. пушек на фронтах не превышало 116, а в 1917 г. достигло 172. Обуховский завод по февраль 1917 г. выпустил 51 пушку [там же: Ф. 29. Оп. 3. Д. 939. Л. 252 и об. (доклад ГАУ 18.VI.1915, утвержден Военным советом 20.VI.1915); ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 53, 65–66; Маниковский 1922, ч. 2: 81, 121]²⁵.

В ноябре 1915 г., по Маниковскому, негде было взять 428 3-дм горных пушек обр. 1909 г. (из требовавшихся 732), и он предлагал либо заказать их за границей (иначе «часть потребности остается неудовлетворенной»), либо поручить Путиловскому заводу, но тогда уже «за счет выпуска с этого завода полевых пушек». В конце концов, когда русская промышленность достигла производительности в 3 тыс. легких пушек в год, на замену изношенных, то это был максимум: «Но уже больше этого числа выжать для этой цели было нельзя. Значит, вот предел — 3000 пушек, которые ежегодно можно было при наших средствах приводить в негодность на фронте собственной стрельбой» [Маниковский 1923, ч. 3: 133]²⁶. По мнению Гурко, первоначальная катастрофическая нехватка снарядов, по сути, спасла артиллерию от столь же катастрофического износа легких орудий [Gourko 1918: 104–106]²⁷.

²⁴ Здесь в табл. на с. 73 в итоге за 1915 г. описка: 130, а надо 180.

²⁵ Кроме скорострельных обр. 1910 г., имелись 42-лин. пушки обр. 1877 г., уступленные французами.

²⁶ В январе 1917 г. на конференции с союзниками они «категорически отказались дать нам легкие орудия», докладывал Маниковский правительству 23 июня 1917 г. [РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 410. Л. 10]. Но в 1916 г. в Англии исполняли русские заказы на десятки тысяч пружин накатника к 3-дм полевым пушкам [там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 99. Л. 9, 12, 13, 52].

²⁷ Но породила моральный кризис: получив в конце 1914 г. директиву расходовать в день не более одного снаряда на орудие, командир артиллерийской бригады сразу догадался, к чему это приведет: «Нет, Борис Николаевич, — говорил генерал П.М. Волкобой, — ...наш солдат нам этого не простит. Нас, офицеров, всех зарежут, будет такая революция, какой еще мир не видал!.. Мы все погибнем в ужаснейшем бунте» [Сергеевский 1933: 159–161]. В августе 1917 г. он стал свидетелем расправы солдат над другими офицерами и сам едва уцелел. На его глазах были убиты комиссар фронта (Ф.Ф. Линде), начальник дивизии и командир полка. Волкобой, «почтенный старик, с седой бородой... „дедушка“, как звали его солдаты, ...убежал в землянку, плакал и умолял пощадить... Солдаты со смехом выволокли его из землянки, посадили в автомобиль и... отвезли в штаб его корпуса» [Краснов 1921: 111–112]. Упомянутую директиву Сергеевский датировал 7 декабря 1914 г., Н.А. Епанчин — ноябрем [Епанчин 1996: 411].

Довольно распространенная у нас, как писал еще Н.Н. Головин, точка зрения, будто накопленные к 1917 г. запасы снарядов с избытком покрывали потребности фронта и их хватило еще и на гражданскую войну, не учитывает, что нужда в снарядах зависела от количества имеющихся орудий, а оно в 1917 г., как и в 1915 г., не выдерживало сравнения с артиллерией противника и союзников. Можно, конечно, дипломатично утверждать вместе с рядом авторов, что к 1917 г. «острота кризиса» была преодолена и армия получила «многое из того, в чем нуждалась» [Шацилло 1998: 555; Зайончковский 1938: 104]²⁸, или, как пишет С.Л. Федосеев, что удалось решить «большую часть проблем». Однако он уточняет, что «снарядный голод» был преодолен «в основном в легкой артиллерии», и то «только в отношении имеющихся орудий, а не к потребности войск в поддержке артиллерии».

По Головину, если вопрос о снарядах также и к легким гаубицам и тяжелой артиллерии «не обострялся», то не по причине мощной работы заводов, а лишь потому, что «количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы» [Головин 1939: 39–40]²⁹. Число имевшихся на фронтах тяжелых 42-линейных пушек было столь ничтожным, что требовалось «и ничтожное к ним количество выстрелов»; орудия крупных калибров получали в 1916–1917 гг. «десятую [часть] того, что им нужно было в действительности» [Маниковский 1923, ч. 3: 223, 209, 567, 577].

Во второй половине 1916 г. внутреннее производство легких снарядов, достигнув максимума, «отставало от требований армии»: почти треть выстрелов в этот год легкая и горная артиллерия получила из-за границы [Федосеев 2009: 244, 246, 247]. К осени 1916 г. была достигнута лишь та норма снабжения 3-дм снарядами, которая казалась приемлемой в ноябре 1914 г. (2,6 млн выстрелов в месяц), тогда как к 1917 г. она уже устарела, требовалось 3,5 млн, а эта норма «вовсе не была достигнута» [Маниковский 1937: 581]³⁰. Но и для изготавливаемых в России снарядов легкой артиллерии значительная часть взрывателей, дистанционных трубок, пороха поступала из-за границы³¹. Запас 3-дм снарядов в расчете на орудие стал удовлетворительным к сентябрю 1917 г., вследствие фактической приостановки боевых действий.

Как известно, и никоновские дредноуты достроить не удалось. С этой задачей промышленность не справилась: к апрелю 1917 г. наибольшей была готовность линейного крейсера «Измаил», остальные корабли «значительно отставали. Хуже всего обстояло дело с бронированием из-за нехватки металла в стране, идущего прежде всего на снаряды и полевую артиллерию... В сентябре Адмиралтейский завод получил разрешение разместить механизмы и котлы, поступающие для крейсеров „Бородино“ и „Наварин“, на Мясной улице близ террито-

²⁸ К концу 1916 г. русская армия достигла «по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития». Или: вооружена была «так, как она не была вооружена с самого начала войны» [Васильчиков 2002: 102]. До начала 1919 г. Красная армия, действительно, «в какой-то мере удовлетворялась старыми запасами вооружения, но к весне 1919 г. они были практически исчерпаны». При этом дивизии на фронтах гражданской войны имели лишь до 40% положенного артиллерийского вооружения. Тем не менее обеспечение Красной армии вооружением все же было «выше, чем у ее противников, питавшихся в основном старыми запасами и иностранными поставками» плюс вооружение интервенционистских сил [Соколов 2012: 20, 23, 28].

²⁹ К тому же в 1916 г. начали поступать выстрелы для таких гаубиц из Франции, Англии и Японии (1,7 млн; в 1917 г. — еще 906 тыс., тогда как в 1915 г. — лишь 129 тыс.). Что же касается снарядов для гаубиц в 203–305 мм и 254-мм пушек, то с ними «мы справиться до самого конца войны действительно не могли», вообще от русских заводов было получено менее трети выстрелов крупного калибра, остальное поступило из-за границы, в основном в 1916–1917 гг. [Маниковский 1922, ч. 2: 222, 234].

³⁰ Ср.: в 1916 г. «не было недостачи в 76-мм патронах» [там же: 586].

³¹ К 1 июля 1916 г. из-за границы поступило 1 230 193 пудов бездымного пушечного пороха (за 1916 год с русских и заграничных заводов — 2 594 000 пудов), а потребность на следующий год оценивалась в 3 млн пудов, из которых в России удалось заказать 1 млн пудов. Из 897 тыс. взрывателей, поступивших в январе 1917 г., 500 тыс. были заграничного производства [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 757. Л. 77 и об.; Военная промышленность... 2004: 629; Экономическое положение России... 1957, Ч. 2: 178].

рии завода. Обсуждался даже вопрос о продаже их части и переделке крейсеров... в коммерческие суда». Ни один из четырех дредноутов не был достроен [Цветков 1995, т. 3: 375, 377].

Металла не хватало и на сухопутные вооружения. Выпуск 3-дм снарядов к 1917 г. поглотил столько стали, что подверглись сокращению дальнейшие заказы «ввиду явной невозможности усилить без такой меры производство более крупных снарядов». По словам Маниковского, еще с 1915 г. приходилось «прежде всего заботиться об удовлетворении потребности выстрелов для *тяжелой* артиллерии, хотя бы даже в ущерб полевой», потому что «нельзя готовить одновременно и достаточное количество тяжелых снарядов» [Маниковский 1923, ч. 3: 142, 127; Маниковский 1937: 566, 597]³². Усилить подачу тяжелых выстрелов было возможно «только при условии сокращения (и притом значительного) выстрелов к 3-дм пушкам», между тем Упарт (Управление полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке верховного главнокомандующего) «продолжал настаивать и на своих несообразных нормах 3-дм выстрелов, из-за которых наше внутреннее производство более тяжелых снарядов так до самого конца войны и не могло подняться до необходимого уровня» [Маниковский 1923, ч. 3: 196–197]³³. Вообще выпуск снарядов «задерживается главным образом из-за недостатка топлива и металла», — гласил отчет Военного министерства за 1916 г. Главноуполномоченный по снабжению металлом А.З. Мышлаевский 14 мая 1916 г. докладывал Особому совещанию по обороне, что «общий недостаток в черных металлах выражался в треть существующей в них потребности» [Военная промышленность... 2004: 628; Журналы Особого совещания... 1977, ч. 4: 814].

21 января 1917 г. Маниковский представил военному министру подробную справку о положении со снарядами. По его словам, оборудование механических заводов с избытком обеспечивало требуемый Ставкой (соразмерно количеству наличных орудий) выпуск 3-дм снарядов, а тяжелых — пока лишь на две трети, но к весне и подача тяжелых могла достигнуть назначенной нормы, «если, конечно, этому не помешают неблагоприятные обстоятельства, которые ныне имеют место». Он подразумевал «недостаток отечественного металла и невозможность получить его на ближайшие сроки из-за границы». Подсчет показал: «Требуется снарядной заготовки: для 3 620 000 3-дм снарядов — 2 059 000 пудов, для 1 135 000 тяжелых снарядов — 4 154 000 пудов. Всего — 6 213 000 пудов». А поступает «ежемесячно всего 4 743 000 пудов». Поэтому на тяжелые снаряды предполагалось направить столько металла, сколько позволит пропустить через механическую обработку имеющееся оборудование заводов (2 823 000 пудов), а из оставшихся 1 920 000 пудов «можно изготовить около 3 млн 3-дм снарядов... Вот причины, почему и [даваемые] организации г.-м. Ванкова заказы на 3-дм гранаты были уменьшены против того количества, какое он мог бы выполнять». «В дальнейшем, — докладывал Маниковский, — если положение с металлом не улучшится (а на это пока надежд мало, напротив, есть основание ждать ухудшения), то по мере развития производства тяжелых снарядов придется еще в большей степени сократить наряды на 3-дюймовые». К 1 мая 1917 г. могло бы скопиться 25–28 млн 3-дм выстрелов, «если, конечно, хватит металлов, пороха и взрывчатых веществ на все количество и легких и тяжелых снарядов... Наконец, если бы Ставкой и эти ресурсы были признаны недостаточными, то у нас имеется настойчивое предложение французов увеличить подачу нам вдвое наших 3-дм патронов (они производительность их довели с 15 тыс. до 30 тыс. в день)». Но металла для тяже-

³² Это не мешало Маниковскому писать о сокращении потребности в 3-дм снарядах, объясняя его уменьшением «степени участия в боях легкой пушечной артиллерии» благодаря «увеличению на фронте числа гаубичных выстрелов и тяжелых орудий, обеспеченных выстрелами» [изд. 1937 г.: 500]. Утверждение Маниковского о «несомненном пресыщении ими [3-дм выстрелами] фронтов и резервов» Барсуков, готовивший переиздание, вымарал [см.: с. 566 изд. 1937 г., ср. с. 142 изд. 1923 г.].

³³ Барсуков подтверждал, что месячная подача 3-дм снарядов была сокращена в январе 1917 г. ввиду накопления за зиму значительного их запаса, но также «в целях усиления производства снарядов более крупных калибров» [там же. Изд. 1937 г. С. 500].

лых снарядов от французов нельзя получить больше, потому что им «еле хватает для своих нужд» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 831. Л. 12–14]³⁴.

Как жаловался военному министру Д.С. Шуваеву начальник Генерального штаба М.А. Беляев 24 мая 1916 г., изготовление снарядов для 6-дм гаубиц («главенствующее орудие в современной войне для борьбы за укрепленные позиции») сдерживал «общий недостаток в России металла, выражающийся в общем до 4 млн пудов в месяц» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 266.]. Тарновский показал [Тарновский 1958: 216, 218, 226–228; Семенников 1927: 131–134; Экономическое положение России... 1957, ч. 2: 10; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6251. Л. 151, 92, 171], что вследствие нехватки топлива, руды, провозоспособности железных дорог в 1916 г. выплавка чугуна, поднимавшаяся было с 14 млн пудов в январе до 16,5 млн в октябре, «начала стремительно падать». 9 октября председатель Совета министров Б.В. Штюрмер доложил царю, что в ноябре «обнаружится нехватка 1,2 млн пудов металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов», и предстоит выбирать: снаряды или рельсы. Выплавка чугуна в феврале упала до 9,5 млн пудов. Между тем Министерство путей сообщения требовало свыше 8 млн, ГАУ — свыше 11 млн пудов черного металла в месяц. На январь — февраль 1917 г., по заключению главноуполномоченного по металлу, пришлось «наивысший кризис» металлургии. При ведомственных заявках в октябре 1916 г. на 19 млн пудов поступило в распределение около 13 млн пудов металла, в ноябре — уже 11 млн. Составленный его ведомством расчет показал, что при средней месячной потребности в различных сортах черного металла в 37,6 млн пудов «вырисовывался ежемесячный дефицит в 14,1 млн пудов». 22 января 1917 г. на Петроградской конференции союзников военный министр Беляев вынужден был просить о зарубежных поставках, помимо вооружения, также чугуна и стали (удалось выпросить 106 тыс. т, т. е. 6,6 млн пудов). 1 февраля 1917 г. ввиду «наступившего кризиса» он предлагал «считаться с предстоящим... временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов», что в действительности и стало практиковаться и распространилось в феврале на петроградские Ижорский и Путиловский заводы (с известными последствиями³⁵). «Главные причины катастрофы — транспорт и топливо», а не революция, считали руководители синдиката «Продамет». Более того, в марте — мае 1917 г. выплавка чугуна немного (и ненадолго) восстановилась. Другое дело, что в условиях войны это не изменяло основного: экономика не «демонстрировала многие признаки подъема», как представляется Никонову, а происходило, наоборот, «разрушение материальных ценностей», «истощение производительных сил» из-за роста специальных военных производств³⁶.

Успехи, достигнутые в производстве новейших средств ведения войны, кажутся ряду авторов особенно убедительными. Щагин, выступая против «надуманных концепций... о якобы присущем России традиционному отставании от стран Запада», привел данные о бурном росте автомобилестроения: якобы перед войной действовали три завода, в войну строили еще пять [Щагин 2008: 160–162, 495, 506, 699; Новейшая история отечества... 1998: 224]. В постройке грузовиков «несомненно» проявилась, как пишет Стоун, «значительная мощь» российской экономики, как и в производстве пушек, снарядов, самолетов; «автомобильная промышленность сделала во время войны впечатляющие успехи» — «пять больших автомобильных заводов выпускали грузовики». «К концу 1916 г... был даже построен и работал на р. Суне завод по переработке азота воздуха во взрывчатку, — продолжает фантазировать этот историк. — Даже в Германии это было последнее слово научной технологии в данной обла-

³⁴ Из США французы получили «готовый металл размерами именно для 3-дм снарядов».

³⁵ По Миронову [с. 655] и Никонову, генералы и адмиралы, управлявшие заводами, — сплошь заговорщики да масоны, спровоцировали рабочих «намеренным закрытием предприятий; со стороны заводской администрации бастующие получали сочувствие и вознаграждение». Были ли это выброшенные на улицу рабочие закрытых предприятий или, наоборот, бастующие — для полиции какая разница. «Сочувствие и вознаграждение» бастующим выражалось, как известно, арестами и отправкой в окопы.

³⁶ Экономическое положение России... 1957, ч. 1: 247. Управляющий делами Продамета П.А. Тикстон — военному и морскому министру, 21.III.1917; ч. 2. С. 110, 7.

сти» [Stone 1967: 111, 112; Stone 1975: 210]³⁷. Между тем в действительности в России разработку технологии сжигания атмосферного азота не удалось довести до конца, и, поскольку «у нас опыта в этом отношении нет» (опыт имелся в Германии, Австрии, Норвегии, США), было признано необходимым «передать постройку и оборудование кислотного завода иностранной фирме с тем, чтобы по установлении производства и по обучении нашего личного состава, предназначенного к управлению заводом, завод был бы передан военному ведомству», — докладывало ГАУ Военному совету 12 мая 1915 г. К 1917 г. на Суне была произведена лишь часть гидротехнических работ и сделаны заказы на некоторые механизмы; эта стройка в Кондопоге, с использованием тысяч военнопленных, не близилась к концу и в 1917 г. [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 722. Л. 64–65; Михайлов 2007: 264; Нахтигаль 2011: 117, 179, 177].

Годовой выпуск автомобилей в России тех лет доведен новейшей литературой до 20 тыс. грузовиков [Шамбаров 2006: 142]. В справочнике 1934 г. действительно названы 20 тыс. грузовых автомобилей, но не как произведенные в России, а как поступившие в армию, и не за год, а «за весь период войны 1914–1918 гг.», и притом не из России, ибо «заграничные закупки... почти полностью покрывали заготовку автоимущества». В компромиссном варианте («произведенные во время войны» и якобы в России) та же цифра, 20 тыс., введена в соответствующую таблицу справочного издания 2010 г. О 20 тыс. «автомашин» в действующей армии к сентябрю 1917 г. сообщает статистический сборник 1925 г. (по материалам Ставки). Автомашинами в этом случае именовались и мотоциклы с самокатами, но не действительное их наличие, а количество, которое положено было иметь по штатам. К началу 1916 г. фактически автомобилей разного назначения имелось в наличии 5283 и ожидалось, по условиям сделанных заказов, поступление до середины 1917 г. еще 4946, из которых российского производства — 1926. Но эти ожидаемые 1926 машин (даже больше — 3000) должны были дать заводы, еще не построенные в России. На деле существующим являлся до конца войны один лишь Русско-Балтийский завод с годовой производительностью менее 100 автомобилей при значительном использовании заграничных материалов, деталей и узлов [Мировая война... 1934: 33. Табл. 20; Россия и СССР... 2010: 81; Россия в мировой войне... 1925: 59, 52]³⁸.

Заказами за границей ГАУ покрывало и более обыденные потребности. Юго-Западный фронт в апреле 1915 г. требовал 25 тыс. вьючных сёдел, но оказалось, что российская промышленность может дать в течение ближайших 10 месяцев только 3900 и придется делать заграничный заказ. Действительно, во время войны сёдла доставляли из-за океана: в марте, мае, июле, августе 1916 г. из США двигались пароходы груженные более чем 50 тыс. сёдел³⁹. Едва ли вообще прав эксперт, который, довершая средствами статистики «разрушение ангажированных идеологических стереотипов» советской историографии и пересматривая «сложившиеся догмы и перекосы практики изучения отечественной истории», полагает, что во время Первой мировой войны Россия «оказалась в полной изоляции» [Симчера 2006: 245, 373], иначе говоря не ввозила ничего.

Академическое изучение военной экономики России пережило взлет, обеспеченный сначала официальной приоритетностью проблемы «предпосылок социалистической революции», а затем и теоретическими открытиями «нового направления» 1960-х гг., но оба эти сти-

³⁷ Откуда взялись сведения об этом достижении, Стоун не указал. Сидоров не располагал какими-либо сведениями о том, чем все закончилось на Суне, и это его признание [Экономическое положение России... 1957: 445], конечно, создавало свободное поле для домыслов.

³⁸ Продукция этого единственного завода была «столь низкого качества, что и частные потребители, и государство предпочитали покупать автомобили за границей» [Ткачев 2007: 271].

³⁹ Русские поставщики брали заказы на сёдла для пулеметных команд только после того, как им обещали разрешение «получить из-за границы или Финляндии» «материалы, полуфабрикаты и ленчики в готовом виде или сухой лес для ленчиков». Еще в 1913 г. ГАУ предупреждало, что нельзя рассчитывать изготовить сёдла в России исключительно из русских материалов [РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 145; ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 144 и об.; ф. 2000. Оп. 1. Д. 5573. Л. 194, 425; д. 5574. Л. 127об., 45].

мула давно устранены, и за последние десятилетия не видно сопоставимых результатов. Исследование традиционной для «эпохи исторического материализма» проблематики, конечно, не прекратилось вовсе, но раздробилось на направления, более узкие по хронологическому, территориальному и отраслевому охвату. Наступившая реакция в этой области не только вызвала концептуальный откат на уровень 1930-х гг., но и привела к оскудению реально используемого круга источников, несмотря на то, что в 1950-х — 1980-х гг. были выявлены и заняли свое место в индивидуальных исследованиях важные архивные материалы, изданы крупные тематические сборники документов и видовые серии (журналы Особого совещания по обороне, Совета министров и др.).

Сравнительные оценки военно-промышленного развития России и других крупных стран противоречивы. В конце 1914 г. в связи с французскими предложениями о поставках снарядов ГАУ считало, что «нельзя сравнивать наших условий развития этого рода промышленности с французской. Стоит только вспомнить наши огромные расстояния, бедную сеть железных дорог, необходимость подвоза сырых материалов за тысячи верст и из-за границы, недостаток подвижного состава..., вековую зависимость в отношении станков и механизмов от заграницы, и прежде всего от Германии...» [РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.]⁴⁰. Напротив, новейшее статистическое исследование рисует, по отзыву академика Д.С. Львова, «мощную картину развития России», которая все объясняет якобы «больше и глубже», «чем целые нагромождения исторических изданий... о кривых путях и тернистых судьбах нашего отечества». Оно показывает, что еще в начале XX в. Россия «входила в первую мировую тройку» по 40 «ключевым для тех времен» позициям, а к 1914 г. оказалась уже на пятом месте «по общему уровню технико-экономического развития» [Симчера 2006: 373, 138–139, 15]⁴¹. Ранее место России в мире оценивалось обычно скромнее: она вплотную приблизилась к Франции по абсолютному объему промышленного производства и гораздо дальше отставала при расчетах на душу населения. При этом все же гложет сомнение относительно критериев сравнения.

В разгар войны германские войска оккупировали важные центры тяжелой промышленности Франции, дававшие в 1913 г. 83% железной руды, 64 (84)% чугуна, 58 (63)% стали, 40 (75)% угля, и в результате Франция должна была ввозить четверть потребляемого железа и треть угля, но при этом она производила больше артиллерии и боеприпасов, чем Англия, снабжала ее Экспедиционный корпус орудиями и танками, большей частью самолетов, 4/5 снарядов. В России же на территории, не затронутой непосредственно военными действиями, было сосредоточено 4/5 промышленного производства [Horn 2002: 85; Hardach 1977: 87–

⁴⁰ Успехи в развитии станкостроения оценивает в своем духе Н. Стоун: по его мнению, обнаружилась «способность России заместить импортные машины своим собственным машиностроением» [Stone 1975: 208–209]. Но приведенные им цифры (относительное сокращение стоимости фактически ввезенных в Россию машин) не содержат того, что он из них извлекает. Утверждать, что внутреннее производство, усиливаясь, замещало импорт, было бы правомерно в том случае, если бы ввоз сокращался именно по этой причине, за ненадобностью. Но к сокращению ввоза станков приводило другое: вынуждала нехватка кредитов, а также английские запреты на этот вид заказов и грузов, и потребность оставалась неудовлетворенной. Из Лондона Э.К. Гермониус с 1915 года доносил в Петербург о «систематических затруднениях к получению оборудования для наших новых заводов», так что чинимые препятствия «создают здесь самое тяжелое впечатление», а сразу после возвращения лорда Мильнера в Лондон с Петроградской конференции союзников (январь — февраль 1917 г.) выполнение русских заказов на промышленное оборудование в Англии полностью прекратилось — вовсе не из-за того, что русские заводы дали все необходимое [Бабичев 1956: 285, 287, 289–292].

⁴¹ Эти же самые, в точности, яркие жизнеутверждающие слова ранее пришли на ум акад. Н.П. Федоренко (1917–2006) [Федоренко 2003: 11, 25]. При «конструктивном пересмотре существующих случайных и во многом беспомощных исторических хронологий» Симчера, директор НИИ статистики Росстата, вице-президент Академии экономических наук, опирается не только на имеющие «самостоятельную и самодостаточную ценность» собственные его оценки, «полученные автором путем обработки громадного объема данных» (основополагающие расчеты — в его личном архиве), но и на сочинения Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, И.Р. Шафаревича, В.В. Кожинова, О.А. Платонова и др. самобытных исследователей.

88; Stevenson 2000: 297; Hautcoeur 2005: 173; Doughty 2005: 35, 115; Предпринимательство... 1997: 56]⁴². Но из Франции Россия получала большую часть вооружения и боеприпасов, и русскому правительству приходилось выпрашивать у союзника, например, тяжелую артиллерию (хотя бы старую!), снаряды, винтовки и пр., расплачиваясь собственными солдатами или военнопленными⁴³.

Попытку собрать статистические сведения по военной экономике предприняло еще в 1925 г. ЦСУ. В результате оказалось, что данных собственно статистических, т. е. основанных на научно организованных наблюдениях, практически нет и есть только «отрывочные сведения». Специалисты-статистики постарались «собрать, что возможно», издать «наиболее ценное» и пришли к выводу, что «никаких других материалов в обработанном виде пока не имеется, а архивный сырой материал для своей обработки потребует годы» [Россия в мировой войне... 1925: 1–4]. За минувшее столетие «сырой материал», относящийся к военной промышленности, так этой обработки и не получил⁴⁴. Исследователи ныне, как и их предшественники, опираются на все те же археографически неполноценные материалы сборника ЦСУ «Россия в мировой войне»⁴⁵, а главным образом — на те данные, которые ввели в оборот сами ведавшие деятельностью ГАУ и Упарта генералы — А.А. Маниковский (трехтомник 1919–1922 гг.) и Е.З. Барсуков (работы 1926–1948 гг.); недавно стал доступен труд казенного в 1929 г. В.С. Михайлова (1928 г.).

Сведения, представленные у Маниковского, порой вводят в заблуждение: он стремился повлиять на историческую оценку своего аппарата (ГАУ), а Барсуков, готовивший новые варианты работы Маниковского при переизданиях 1930 и 1937 гг., старался еще и «в пользу» Упарта с его долей ответственности за снабжение фронта. При обращении к приведенным обоими авторами данным зачастую нет возможности судить об их происхождении и степени достоверности. Даже публикуя в 1937 г. (в виде приложения к труду Маниковского) адресованные ему письма начальника ГАУ, Барсуков позволял себе редактировать их с учетом обстановки. Маниковский же не только правил текст цитируемых документов, но и целенаправленно истолковывал их в противоположном реальному смысле.

Уверяя, что он не имеет причин «прибегать к пристрастному освещению деятельности ГАУ в целях самооправдания», Маниковский в то же время писал: «Все обвинения ГАУ относятся к периоду, когда не я был начальником его; с моего же вступления в эту должность [в конце мая 1915 г.] начался период значительного улучшения» [Маниковский 1922, ч. 1: 6]⁴⁶, хотя до назначения начальником ГАУ он являлся правой рукой «главного артиллериста» вел. кн. Сергея Михайловича в Особой артиллерийской комиссии, разделявшей с В.А. Сухомлиновым ответственность за развал снабжения фронта в первой половине 1915 г., после чего ее пришлось без лишнего шума ликвидировать.

⁴² В скобках указаны показатели по Миронову [Миронов 2012: 577].

⁴³ «О 6-дм гаубицах Шнейдера... пока не может быть речи, ибо [Альбер] Тома заказ этих гаубиц обусловил присылкою рабочих рук» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6251. Л. 41 об. Ф.Ф. Палицын (Париж) — Маниковскому, 19/20.I.1917]. «Наша страна в производстве артиллерии обогнала и Англию, и Францию!.. И к сражениям 1917 г. Россия подготовилась отлично» [Шамбаров 2006: 142–143].

⁴⁴ Даже специалисты, изучающие экономику военного времени в региональном разрезе в глубоко тыловых губерниях, ощущают нехватку источников статистического характера [Румянцев 1989: 14, 71, 127].

⁴⁵ Составители сборника брали данные о заграничных заказах из документов Особого совещания по обороне. Между тем не все такие заказы проходили через эту инстанцию. Маниковский 16 января 1916 г. доложил начальнику канцелярии Военного министерства А.С. Лукомскому о том, что «имеются следующие заказы на пулеметы за границей, сделанные без ведома Особого совещания...» и перечислил пять заказов на 30–40 тыс. пулеметов [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 748. Л. 15–17 об.]. Некоторые критические оценки материалов сборника «Россия в мировой войне» см. также в указанной статье Л.М. Гаврилова и В.В. Кутузова [с. 147–148] и у Головина.

⁴⁶ Со своей стороны бывший начальник Упарта Барсуков утверждал: «Только с 1916 г., когда артиллерийская часть всей действующей армии перешла в руки полевого генерал-инспектора артиллерии и подчиненного ему управления [Упарта]... дело боевого снабжения было организовано» [там же. Изд. 1937 г. С. 651].

Потребность армии в винтовках заводы ГАУ в 1916 г. удовлетворяли «примерно лишь наполовину» [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 170. Л. 1 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1916 г.; Михайлов 2007: 135–136], и лишь часть недостающего удавалось получить из Франции, Англии, Японии и США. Опираясь на свидетельство председателя Русского заготовительного комитета в США генерала А.В. Сапожникова, Маниковский утверждал, что массовое изготовление винтовки, привычное для русских заводов, оказалось не по силам заводам американским. Дело пошло на лад, по его словам, лишь с прибытием русских артиллеристов, которые научили американцев высокоточной работе. Но, как видно из телеграфной переписки генералов через океан, артиллеристов, знающих производство, не хватало самому ГАУ — настолько, что оно не имело возможности вполне обеспечить своими специалистами в США даже приемку и браковку продукции. Затруднения создала на деле не отсталость американской промышленности по сравнению с заводами ГАУ, а то, что американцы получили от него чертежи с ошибками. Кроме того, ГАУ волокитило доставку недостающих лекал, а высланные в США старые лекала, изношенные за 25 лет использования на заводах ГАУ (с 1892 г.), отчасти были испорчены, так что американцам пришлось их восстанавливать. В качестве же необходимых для этого образцовых винтовок ГАУ направило на заводы в США изношенные винтовки военного времени, изготовленные с пониженными требованиями к точности (без такого понижения российские заводы не могли быстро увеличить выпуск) [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5580. Л. 62 об.; д. 5578. Л. 37; д. 5579. Л. 23; Залюбовский 1936: 7–12; Rielage 2002: 56–63].

Но главное не в этом. По техническим условиям ни американский, ни русский и никакой вообще завод не мог установить у себя столь сложное производство, как новую для него марку ружья, скорее, чем за полтора-два года. Представители же ГАУ явились на заокеанский рынок, не зная его условий и уже после того, как союзники загрузили своими контрактами наиболее авторитетные оружейные фирмы. При содействии Дж.П. Моргана фирмам Ремингтон и Вестингауз удалось заключить контракты на таких условиях, что ГАУ было лишено возможности дисциплинирующе воздействовать на исполнителя и американские фирмы пользовались неповоротливостью ГАУ, чтобы «выцыганивать» доплаты и не слишком заботиться о соблюдении русских технических стандартов. Опыт сотрудничества с этими двумя заводами не давал Маниковскому оснований уничижительно оценивать всю военную промышленность США. Технологический драйв шел не из России в США, а в противоположном направлении, недаром генералы ГАУ проявили крайнюю заинтересованность в том, чтобы старая оружейная фирма Прайт и Витни (Pratt & Whitney, Коннектикут) взяла на себя проектирование и устройство нового оружейного завода, который ГАУ наметило к сооружению в Екатеринославе [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5582. Л. 314 и об. Переписка Залюбовского (Нью-Йорк) с Маниковским, август 1916 г.].

К тому же, утверждая, что русским специалистам удалось приучить американские заводы к требуемой высокой точности в работе, Маниковский приписал своим подчиненным лишние заслуги. Из его переписки с представителями ГАУ в США видно, что до конца 1916 г. относительно небольшие партии винтовок проходили приемку только благодаря вынужденному понижению требований со стороны ГАУ (отказ от взаимозаменяемости частей, сдача винтовок в собранном виде и т. п.). Сменивший Сапожникова генерал А.П. Залюбовский в конце 1916 г. писал о низком качестве винтовок Вестингауза, «которые до сих пор не могут проверяться лекалами и приборами за их отсутствием», о «громадном количестве брака» и о том, что завод требует денег, «а качество, несмотря на все усилия приемщиков, почти не изменяется». «Подробное исследование предприятий Ремингтона и Вестингауза... подтвердило мне, — продолжал Залюбовский в январе 1917 г., — что получить в Америке своевременно сносные винтовки нельзя рассчитывать, а потому необходимо принять самые спешные и энергичные меры для расширения выделки винтовок в России, закупая и отправляя для этого здесь станки».

К 1917 г. представители ГАУ осознали разницу между теми задачами, которые решали его собственные ружейные заводы, не жертвовавшие качеством продукции ради экономии, — и стремлением к наживе, руководившим американскими фирмами. «У нас нет средств заставить заводы... преследующие исключительно коммерческие цели, делать действительно годные ружья и в срок, а потому лучше взять у них возможно меньше неудовлетворительных ружей, — сообщал Залюбовский в Петроград 7 декабря 1916 г. — ... Без нового аванса Вестингауз продолжать производство не может, если же выдать ему новый большой аванс, то весьма вероятно, что мы совсем перестанем получать винтовки и деньги потеряем». Отчаявшись добиться своего, чины ГАУ запрашивали из США разрешения начальства разорвать контракты (но на это еще нужно было согласие английских инстанций, контролировавших русские заказы в Америке), и часть из них действительно была отменена [Там же. Д. 6209. Л. 26 и об.; д. 5620. Л. 77 и об.; д. 6210. Л. 20 и об.; Михайлов 2007: 338–347, ср.: 126–130.]⁴⁷. При подобной степени достоверности сведений Маниковского, нахваливавшего, как на продажу, деятельность своего ведомства, полагаться на них без проверки, как это практикуется в новейшей литературе⁴⁸, рискованно.

Немалые усилия были приложены, чтобы наполнить труд Маниковского количественными данными. Издавая посмертно вторую и третью его части в 1922–1923 гг., редакционная комиссия столкнулась с тем, что в рукописи «оказались пробелы», и «для заполнения намеченных А.А. Маниковским таблиц» потребовались поиски в архивах. Но выявленные материалы давали «значительно различающиеся между собой цифры». Не имея возможности вникать в эти противоречия цифр, Комиссия стала «выбирать более вероятные» [Маниковский 1922, ч. 2: 3].

Проверка некоторых из них по делопроизводственным документам позволяет думать, что встречающиеся несовпадения натуральных показателей выпуска или поставок не вызваны какой-то тенденциозностью редакционной комиссии. Иное дело — те сведения о ценах (в первой части «Боевого снабжения», изданной в 1920 г.), которые принадлежали самому Маниковскому. В сводке цен на боеприпасы, составленной им еще в 1916 г., хищнические расценки, выставляемые частной промышленностью, сравниваются с якобы умеренными ценами казенных предприятий. Ярким цифровым материалом он доказывал, что ГАУ под его руководством снабжало фронт более эффективно и экономно, чем частные заводчики, и тем самым приносило выгоду государству. Составляя в 1916 г. свою сравнительную сводку цен по казенным и частным заводам, Маниковский решал две задачи. Во-первых, получала благоприятное освещение деятельность его ведомства. Во-вторых, создавая видимость, будто на одних только шрапнелях и гранатах казенные заводы сэкономили бюджету миллиард рублей, Маниковский тем самым обосновывал целесообразность отпуска из казны еще 600 с лишним млн руб. (а фактически не меньше миллиарда) на постройку четырех десятков новых заводов ГАУ.

Для правительства же в вопросе о ценах на первый план выступала политическая проблема. Следовало лишить общественное мнение оснований для критики правительственных органов, «оказавшихся будто бы несостоятельными». Совет министров 3 ноября 1915 г. постановил придать максимальную огласку сопоставлению цен (по пушкам, шрапнелям и др.), подогнанному в пользу казенного хозяйства. Как показал Шацилло, подобные сравнения цен лишены объективного смысла, ибо выявилась намеренная фальсификация: «цены» казен-

⁴⁷ Независимо от того, насколько сносными были принятые от американцев 2 млн винтовок, известно, что в январе 1917 г. Винчестер закончил русский заказ, и если Ремингтон давал в августе 1916 г. менее 300 винтовок в день, то в апреле 1917 — около 1800 и в дальнейшем начал перевозить станки в Тулу [Россия и США... 1996: 209; Экономическое положение России... 1957, Ч. 2: 182; Советское ВПП... 2005, Т. 2: 294, 296].

⁴⁸ Предельно широкое обобщение выглядит так: «Ни один серьезный военный заказ иностранные фирмы не могли выполнить самостоятельно. По сведениям генерала Маниковского, туда пришлось посылать русских инженеров, под руководством которых налаживалось выполнение военных заказов России» [Литвиненко 2010: 57].

ным заводам ГАУ назначало с произвольным понижением против расценок частных фирм. Советской историографии эти ложные сопоставления пригодились для разоблачения хищничества монополий, тогда как в новейшей литературе они используются по их первоначальному назначению: для восхваления военной бюрократии и шельмования «либеральных», «общественных» организаций и вообще какой бы то ни было независимой деятельности.

Занижая расценки казенных заводов на снаряды, чиновники проявляли изобретательность. Например, ГАУ проводило большую часть своих затрат на эту цель отдельно по статье «строительные ассигнования», либо, когда за снаряды брался завод МПС, — по статье «эксплуатационные расходы» казенной железной дороги. Один и тот же заказ мог быть показан, в зависимости от решаемой бюрократической задачи, с более высокой или, наоборот, более низкой «ценой». «Условная» («номинальная», «последнезаготовительная») цена могла быть на удивление низкой, как в мирное время, но можно было вместо «твердой» цены проставить и цену, учитывающую «биржевые» цены военного времени на материалы и рабочую силу [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 754. Л. 262 и об., 101 и об., 331 и об.; д. 753. Л. 6/№; ф. 369. Оп. 16. Д. 265. Л. 1–2, 4]. Очевиден произвольный характер «ценообразования» внутри казенного хозяйства и неправомерность сопоставления таких «цен» с какими-либо другими.

Частные предприниматели, обвиняемые в завышении цен по сравнению с казенными заводами, оправдываясь, обычно сводили дело к мелочам — ссылались на то, что, в отличие от этих заводов, они вынуждены нести дополнительные расходы — земские налоги, проценты по частным кредитам и т. п. Секретность делопроизводства в военно-хозяйственных инстанциях позволяла скрывать от «публики» главное «преимущество» казенного хозяйства — возможность систематической подтасовки цифр при исчислении расходов. Например, Верхнетуринский завод горного ведомства должен был получать за свою 48-линейную шрапнель «твердую» цену в 32 руб., но «в целях ускорения производства» ему требовалось дооборудование на 700 тыс. руб., и к цене было добавлено 2 руб. 30 коп. Вождь правых Н.Е. Марков, выступая в Думе 29 февраля 1916 г., воспроизвел сравнение цен казенных и частных заводов (по журналу Совета министров за 3 ноября 1915 г.) и, когда подошел к ценам на 48-линейную шрапнель, указал, как и значилось в журнале, цену горных заводов не 34 руб. 30 коп. (32 плюс 2.30), а 21 руб. Для частных заводов он назвал цену 41 руб. 80 коп., хотя именно казенный Обуховский завод исполнял заказ на 48-линейную шрапнель по 41 руб. 80 коп. [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78774. Л. 5 об.; д. 78779. Л. 19 об.; д. 78775. Л. 6; ф. 369. Оп. 3. Д. 86. Л. 31].

Не более надежно и соблазняющее ряд авторов сопоставление цен на пушки частных заводов (9 тыс. руб.) с ценами казенных Петроградского оружейного и Пермского заводов (5–6 тыс. руб.) [Айрапетов 2003: 107, 109; Никонов 2011: 273]. 20 августа 1915 г., когда «общественные» организации наконец пробились к снабжению армии, Военный совет запретил казенным заводам «дополнительные расходы», возникающие сверх «плановых», «относить на кредиты, за счет которых выполняются наряды». Петроградский арсенал в сентябре 1915 г. ходатайствовал о дополнительном отпуске средств и сообщал, что эти дополнительные издержки «можно было бы... отнести на кредиты, за счет которых выполняются наряды на изготовление различных изделий». Но Маниковский «во избежание... чрезмерного повышения стоимости этих изделий» провел доплату иначе — «из военного фонда». В 1916–1917 гг., давая наряды Пермскому, Ижевскому заводам и Петроградскому арсеналу на орудия, ГАУ своим решением понизило исчисленную заводами «примерную стоимость» до довоенного уровня, оговариваясь, что «истинная» стоимость изготовления «выяснится по представлении... заводами в ГАУ установленного отчета на поверку» «с тем, чтобы впоследствии, по определении действительной стоимости указанных орудий, установлена была окончательная их цена». Пока заводы исполняли заказы, происходило «вздорожание материалов и рабочих рук», и в результате к первоначальной «цене» изделий казна доплачивала «из военного фонда» многие миллионы рублей, так что в итоге получилось не по 5 или 6 тыс., а по

8 тыс. руб. за орудие [РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5330. Л. 31, 85, 52; ф. 369. Оп. 16. Д. 511. Л. 11; ф. 504. Оп. 6. Д. 198. Л. 92–95]. В качестве «цен» своих изделий ведомства указывали произвольные цифры, на деле отражавшие лишь исходный минимальный размер требуемых ассигнований.

Сопоставления цен уязвимы и с другой стороны — ввиду недоразумений, относящихся к частным заводам. Например, по сведениям О.Р. Айрапетова, Путиловский завод брал по 9 тыс. руб. за 3-дм полевую пушку, что совпадает с ценой, указанной Маниковским (та же цена — в журнале Совета министров от 3 ноября 1915 г. и у Н.Е. Маркова-2). Однако судя по контрактам, заключенным ГАУ с Путиловским заводом в 1914–1915 гг., он делал в 1915 и 1916 гг. 3-дм полевые пушки по цене все же не 9, а 7 тыс. руб. В июле — августе 1915 г. при новом заказе таких же пушек по 7 тыс. руб. Путиловскому заводу, чтобы поторопить его, была обещана премия в 2 тыс. руб. (сверх 7 тыс.) за каждую пушку, которую завод успеет сдать до истечения 1915 г., но одновременно назначена и неустойка в 10% за сдаваемые в 1917 г. [Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 194 а–196; д. 941. Л. 211; ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Ч. 1. Л. 124–125, 1 об.–2 об]. Получить премию в 2 тыс. руб. Путиловскому заводу не довелось, так как даже к концу 1916 г. он выполнил лишь часть (2102 орудия из 2500) из трех других, ранее принятых им (в сентябре 1914, январе и марте 1915 г.) заказов [Маниковский 1922, ч. 2: 155; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 32. Л. 238–239; ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 32.]⁴⁹, а далее должен был получать уже не премию, а штраф, т. е. сдавать орудия не за 7 тыс., а за 6300 руб. Даже при столь выгодных условиях, побуждавших фирмы торопиться с исполнением заказов, принятые ими на себя обязательства оказались непосильными ни Путиловскому, ни «Царицынской» группе заводов по ее контракту на 2500 пушек (также со скользящей ценой).

Широчайшее использование сфабрикованных в 1915–1916 гг. данных в советской литературе отвечало пропагандистским задачам, но это само по себе еще не делало сомнительной ее научную добросовестность, пока не были выявлены признаки фальсификации в источниках. Новейшая, «постсоветская» «деидеологизированная» и «деполитизированная» историография должна была бы в полной мере считаться с уже поставленной предшественниками проблемой достоверности источников, но, решая вненаучные задачи, вульгаризирует свою методику.

Социальные аспекты истории военной промышленности в наиболее законченном виде выразились в политическом поведении рабочих масс. Выдающуюся роль в событиях Февраля 1917 г. сыграли рабочие главных военных заводов столицы. Историки иногда отводят инициативную роль также текстильщикам Выборгской стороны, но речь все равно идет фактически опять-таки о военно-промышленном производстве, поскольку и выборгские мануфактуры были заняты главным образом заказами интендантства⁵⁰. Авторам, рассматривающим этот вопрос под полицейским углом зрения (недосмотрели в Питере, надо было вовремя «додавить» оппозицию), не удастся логически последовательно раскрыть движущую силу переворота. С одной стороны, версия об «инспирированных народных выступлениях» отвечает стремлению доказать, что «вдохновителем и организатором» их являлась «либерально-радикальная интеллигенция», а народ был сбит с толку «умелой агитацией и пропагандой», «умелой манипуляцией общественным мнением». Оппозиция «воспользовалась моментом, чтобы вывести народ на улицы» и столкнуть его «с правоохранительными органами». Более того, «оппозиционные круги» якобы «сознательно вели продовольственное дело с таким расчетом», чтобы спровоцировать массовое недовольство [Миронов 2013: 575, 579, 647, 700–701; Никонов 2011: 600 и сл.]⁵¹.

⁴⁹ На 3 августа 1916 г. было сдано 1360 шт. из 2500.

⁵⁰ По сведениям Министерства торговли и промышленности, к осени 1916 г. по военным заказам работала вся суконная и 70% хлопчатобумажной промышленности [РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1181. Л. 26 об.].

⁵¹ Эта версия «находит поддержку», в глазах Миронова, «и у других современных исследователей» [Стариков 2007; Сенявский 2008]. Никонов в этом ряду видит также О.А. Платонова, П.В. Мультиатули и др.

С другой стороны, оказывается, нельзя не признать, что «возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях» войны и «вывести народ на улицы в решающий момент» была создана все же «недовольством всех слоев населения», «тяготами войны», «материальными трудностями», даже «социальными противоречиями», которым «позволила выйти наружу» «неудачная для России Первая мировая война». Пытаясь объяснить отзывчивость масс на радикальную агитацию и не умея это сделать, политолог вместо причин такого поведения масс указывает на заинтересованность самой «либерально-радикальной интеллигенции» в сочувствии народа [Миронов 2012: 646–647, 694, 700]⁵², то есть, как и Никонов в подобной ситуации («парадигма», однако), уходит от объяснения. Но этот отложенный вопрос, раз уж он затронут, заслуживал бы внимания.

Почему-то оппозиция вела свою агитацию с успехом, тогда как правительственная «манипуляция общественным мнением» — с использованием «всех доступных средств» (Миронов) — провалилась. И ведь нет оснований объяснять ее провал недостаточным усердием и невниманием власти к охранительной агитации. Не зря же при каждом заводе военного и морского ведомств действовал собственный храм с причтом (средства, ежегодно ассигнуемые на содержание этого, по выражению Никонова, «инструмента пропаганды», не входили в расценки изделий). «Отцы» призывали свою военно-промышленную паству «вооружиться спокойствием и терпением, а не искать виновных в нашей неготовности», «не злобствовать», а «каяться, и молиться, и в очищенной совести трудиться». Те же идеи несли в массы Союз русского народа, Общество активной борьбы с революцией и с анархией при Путиловском заводе и т. п. организации. Рабочих Брянского арсенала и Бежицкого завода «батюшки» увещевали так: «приросшая к земле душа», исполненная «животной сытости», думает о мире, но «не надо этого мира, страшен он, страшнее самой кровопролитной войны» [Прот. Восторгов 1916: 36, 38, 39, 101; Орловские ведомости... 1915; Цит. по: Первая мировая война... 2011: 347–348]. «Пресловутые идеи права, свободы личности... исповедание принципа „человек есть мера вещей“» — все это требовалось «отринуть» в пользу «национальных и государственных интересов» [Прот. Восторгов 1917; цит. по: Экштут 2012: 300]. Однако перевесили «лживые посулы революционеров, безбожников и предателей, увлекших русский народ... в разверстую пасть отступления от Бога и церкви» [Прот. Леонид 2011: 312].

Наряду с собственно церковниками и «либеральная интеллигенция», лучшие умы и перья того, что называлось «культурной элитой», употребили свои таланты вовсе не на борьбу с милитаризмом или подрыв военных усилий власти; они вели все ту же «стилизованную под проповеди пропаганду». В 1914–1917 гг., заполняя столбцы «Русского слова», «Биржевых ведомостей», «Утра России» милитаристскими статьями, православные мыслители силились объяснить «взрослым детям — Иванам и Петрам», этому «человеческому материалу», что война — не братоубийство, а «творческое действие», угодное «Самому Богу», тогда как абстрактный гуманизм («отвлеченный морализм», «гладко-поверхностный гуманизм» и т. д.) «антирелигиозен по своей природе». Они радовались, что наконец-то «пали утопии гуманизма, пасифизма, международного социализма, международного анархизма и т. п.» [Голлербах 2000: 13, 246 сл., 376 сл., 396; Бердяев 2007]⁵³. В августе 1915 г. Н.А. Бердяев осудил социал-демократов за то, что они отказались участвовать в Особом совещании по обороне и тем самым — «брать на себя ответственность за оборону страны» (в это Совещание, выступая в Думе, заманивал рабочих — в лице их представителей в Центральном военно-промышленном комитете — Н.Е. Марков). Этот шаг Бердяев расценил как «классический образец совер-

⁵² Вот эти «причины»: 1) «без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию и удержаться у власти», 2) «участие народа обеспечивало легитимность свержения». Вместо логики — «паническая» боязнь «всякой тени любой революции»: современные власти и обслуживающие их «элиты» из собственного страха перед смутой прибегают к «запугиванию *всяким* насилием» [Булдаков 2010: 637–638, 900].

⁵³ «Более углубленному, более религиозному взгляду» Бердяева открылось, что «маленькая, чувствующая себя раздавленной частная жизнь» — ничто, а «частно-гуманистическое мировоззрение» — хуже анархизма.

шенной отвлеченности и формальной абсолютности в политике». 27 сентября усилия шовинистов встретили еще более твердый отпор. Отказавшись выбирать своих представителей в военно-промышленные комитеты и становиться «слепым орудием» власти, рабочие объяснили (с помощью большевиков) свое понимание «национальных интересов»: это есть «лишь прикрытие» империалистического хищничества, «приманка» для рабочих [Ольденбург 1949, т. 2: 187–188; Дякин 1967: 158 сл.].

«Проклятый вопрос» нравственного характера — отношение рабочего к труду на военном предприятии [Шишкин 1976: 54] — получал практическое преломление. «Обязанность всех соприкасающихся с рабочими, занятыми в предприятиях по обороне, — всячески выяснять им решительную недопустимость приостановки работ... при каких бы то ни было условиях... Надо ежечасно говорить об этом рабочим», — взывала к своей либеральной аудитории оппозиционная «Речь» 14 марта 1916 г. Думские заседания, посвященные вопросам военно-промышленной политики, превращались в спектакли с заранее распределенными ролями («Надо нарисовать картину... Надо развернуть картину последствий германского завоевания») и обеспеченным широчайшим освещением в прессе. К «Иванам и Петрам» «либеральные» думцы применяли пропагандистские приемы, испытанные на английских рабочих (разъяснить «значение снарядов для победы и значение работы для снарядов»: на фронте «гибнут братья... всё для получения снарядов»)⁵⁴. Патриотическая агитация должна была убедить «рвань» в совпадении ее интересов с интересами военно-промышленных дельцов, бюрократии, власти в целом. Для этого, как утверждает Никонов, правительству не хватало политтехнологической ловкости: «Инструменты внутренней пропаганды были использованы властью явно недостаточно». Надо было больше рассказывать рабочим о правительственных успехах в производстве вооружения. Но ведь эти «инструменты» потому и не действовали, что приходилось пропагандировать, по выражению П.Н. Милюкова (и Бердяева), «довольно фиктивное» единство. «Циммервальд» пустил «глубокие корни» в «широкие массы», и «никакая пропаганда не могла преодолеть» его идеи [Никонов 2011: 413–414; Ольденбург 1949: 178, 183, 187, 209, 213].

Результат напряженных совокупных усилий черносотенцев и «либералов» разочаровывал. Как констатировал Милюков, у этих пропагандистов не было «общего языка» с рабочими военных предприятий [Шелохаев 1993: 32]⁵⁵, расходились их понятия о нравственности и «национальных интересах». Оборончески настроенный Г.В. Плеханов тоже делал попытки внушить рабочим, что «даже к стачкам можно прибегать теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические... последствия». Министерство внутренних дел в 1916 г. принялось распространять цитированное воззвание Плеханова «для объединения народных масс вокруг общего дела» [Тютюкин 1997: 320]. В саратовской глубинке его воззвание, по отзыву губернатора, «хорошо подействовало», но и там «под влиянием административно высланных» часть рабочих высказывалась против войны [Земцов 1999: 203]. В военно-промышленных центрах, не полагаясь только на действенность милитаристской пропаганды, ковать единство приходилось с помощью полиции и войск, розгами и палками, тысячами отправляя бастующих рабочих с военных заводов в окопы, вместо каторги, и прикомандировав на их место солдат, побывавших на фронте, а также внедряя в рабочую среду платную агентуру контрразведки и полиции.

Ход изучения проблемы в прошлом — в сопоставлении с состоянием текущей практики — подсказывает некоторый общий вывод. На первый взгляд, те соображения, которые выдвинули в свое время Шацилло, Яхимович, Миллер, могут казаться то ли отвлеченно гумани-

⁵⁴ <http://dlib.rsl.ru/01003391035>. С. 464–476.

⁵⁵ Им «не удалось найти общего языка с широкими массами рабочих и крестьян, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных, социалистических партий», «привлечь на свою сторону и подчинить своему идейному влиянию даже реформистски настроенные элементы среди рабочих», — указывает В.В. Шелохаев [Шелохаев 1996: 135].

стическими, то ли пацифистскими или анархистскими, или вообще удаленными в некое метафизическое пространство. Но по сути стремление к объективному рассмотрению такого идеологически чувствительного предмета, как военно-промышленная политика, прежде всего обязывает последовательно держаться точки зрения «отвлеченной справедливости» (Бердяев), или «противогосударственного отщепенства». Без этого условия государственно-идеологические, великодержавные, национальные и т. п. идеологические пристрастия слишком легко извратят «начала рационального и эмпирического» (Струве), отвечающие общенаучным требованиям исследования.

В начале 1990-х гг. российские историки избавились от обязательных советских идеологических предписаний, и, в частности, в области истории Первой мировой войны открылась возможность отдавать предпочтение тому или иному принципиальному взгляду, высказывать возражения. Такая ценная возможность существовала у них не всегда и еще не отпала⁵⁶, пока вертикаль исторической науки поглощена выработкой «общей, понятной всем программы действий», или, выражаясь более прямо, «специальной программы мероприятий». В дальнейшем же, когда исполнится обещание «представить российскому обществу более или менее единый взгляд российских интеллектуалов на эту часть российской истории»⁵⁷, возможности будут уже иными: в освещении прошлого российской государственности и участия России в мировой войне совершается движение вспять — к утверждению вполне определенной «единой точки зрения».

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

Айрапетов О.Р. 2003. *Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию*. — М.

Анатомия революции... 1994. *Анатомия революции*. — СПб.

Афанасенко И.Д. 2012. *Хозяйственный строй России. Учебник для вузов*. — СПб.

Афанасьев Ю. 1991. *Я должен это сказать*. — М.

Бабичев Д.С. 1956. Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы Первой мировой войны. — *Исторические записки*. — Т. 57.

Бас И. 1939. *Большевистская печать в годы империалистической войны*. — [М.].

Белаш Е. 2012. *Мифы первой мировой*. — М.

Бердяев Н.А. 2007. *Падение священного русского царства*. — М.

Бокарев Ю.П. 2007. *Экономическая история и экономическая теория*. — М.

Бородкин Л.И., Коновалова А.В. 2010. *Российский фондовый рынок в начале XX в. Факторы курсовой динамики*. — СПб.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута*. — М.

Вайнштейн А.Л. 1960. *Народное богатство и народнохозяйственное накопление пред-революционной России. Статистическое исследование*. — М.

Вайнштейн А.Л. 2000а. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам. — Вайнштейн А.Л. *Избранные труды*. — М. — Кн. 2.

---

⁵⁶ «Отсутствие постоянного контроля со стороны сегодняшней власти пока еще позволяет более или менее свободно работать профессиональным историкам», — свидетельствует один из них [Ватлин 2013: 70].

⁵⁷ Россия и Великая война... 2011: 8, 19. Выступления В.А. Никонова, А.К. Сорокина. Возрождается и тот широкий замысел, который в 1986 г. не успел реализовать Отдел науки ЦК КПСС: согнать всех историков в «добровольную общественную» ассоциацию, контролирующую профессиональную периодическую печать [Мионов 2013: 319–320. Ср. Афанасьев 1991: 13–14].

- Вайнштейн А.Л. 2000b. Международное сравнение народного богатства. — Вайнштейн А.Л. *Избранные труды*. — Кн. 2.
- Васильчиков И.С. 2002. *То, что мне вспомнилось...* — М.
- Васютович В.П. 1980. *Ценообразование в военном производстве США*. — М.
- Ватлин А.Ю. 2013. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки. — *Вопросы истории*. — № 2.
- Вернадский В.И. 1922. *Очерки и речи*. — Пг.
- Виноградов В.Н. 1995. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны. — *Новая и новейшая история*. — № 5.
- Военная промышленность... 2004. *Военная промышленность России в начале XX в.* — М.
- Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. 1968. Истощение людских резервов русской армии в 1917 году. — *Первая мировая война. 1914–1918*. — М.
- Ганелин Р.Ш. 1987. Некоторые материалы об экономических отношениях между советской Россией и США после Октябрьской революции. — *Проблемы источниковедения внешней политики США*. — М.-Л.
- Ганелин Р.Ш. 2008. Политические ситуации конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма. — *Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории*. — СПб.
- Гнатюк О.Л. 1998. *П.Б. Струве как социальный мыслитель*. — СПб.
- Голлербах Евг. 2000. *К незримому граду*. — СПб.
- Головин Н.Н. 1939. *Военные усилия России в мировой войне*. — Париж.
- Данилов О.Ю. 2010. *Пролог «Великой войны» 1904–1914 гг.* — М.
- Дузь П.Д. 1989. *Июль 1914 г. — октябрь 1917 г.* — 3-е изд. — М.
- Дузь П.Д. 1995. *История воздухоплавания и авиации в России. Период до 1914 г.* — М.
- Дякин В.С. 1967. *Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны*. — Л.
- Епанчин Н.А. 1996. *На службе трех императоров*. — М.
- Журналы Особого совещания... 1977. *Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916*. — М. — Ч. 4.
- Зайончковский А.М. 1938. *Мировая война 1914–1918 гг.* — М. — Т. 2.
- Залюбовский А.П. 1936. *Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним*. — Белград.
- Земцов Б.Н. 1999. *Революция 1917 г.* — М.
- Идеология «особого пути»... 2010. *Идеология «особого пути» в России и Германии*. — [М.].
- Историческая наука... 1969. *Историческая наука и некоторые проблемы современности*. — М.
- Котляревский С.А. 1908. Флотский вопрос и внешняя политика. — *Вестник народной свободы*. — № 3.
- Кравченко Г.С. 1970. *Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны*. — М.
- Краснов П.Н. 1921. На внутреннем фронте. — *Архив русской революции*. — [Берлин]. — Т. 1.
- Литвиненко Д.В. 2010. Отмобилизование и перестройка артиллерийской промышленности в годы Первой мировой войны. — *Петербургские военно-исторические чтения*. — СПб.
- Люксембург Р. 1923. *Накопление капитала*. — М., Л.
- Маниковский А.А. 1922. *Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг.* — М.
- Маркевич А., Харрисон М. 2013. *Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.* — М.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1968. *Сочинения*. — Т. 46. — Ч. 1.
- Маслов П.П. 1921. *Мировая социальная проблема*. — Чита.

- Маслов П.П. 1923а. *Наука о народном хозяйстве*. — 2-е изд. — М., Пг.
- Маслов П.П. 1923б. *Проблема продукции (Еще о социальной проблеме)*. — Пг., М.
- Маслов П.П. 1926. *Основы экономической политики*. — М., Л.
- Миллер В.И. 1998. Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации — *Первая мировая война. Пролог XX века*. — М.
- Мировая война... 1934. *Мировая война в цифрах*. — Л.
- Мионов Б.Н. 2012. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века*. — М.
- Мионов Б.Н. 2013. *Страсти по революции*. — М.
- [Михайлов В.С.] 2007. *Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности*. — М.
- Нахтигаль Р. 2011. *Мурманская железная дорога. 1915–1919 годы*. — СПб.
- Нетесин Ю.Н. 1980. *Промышленный капитал Латвии*. — Рига.
- Никонов В. 2011. *Крушение России. 1917*. — М.
- Новейшая история отечества... 1998. *Новейшая история отечества. XX век*. — М.
- Новейшая история России... 2013. *Новейшая история России. Учебник*. — М.
- Нольде Б.Э. 1930. *Далекое и близкое*. — Париж.
- Ольденбург С.С. 1949. *Царствование императора Николая II*. — Мюнхен. — Т. 2.
- Орловские ведомости... 1915. *Орловские епархиальные ведомости*. — № 1.
- Островский А.В. 1993. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? — *Из глубины времен*. — № 2.
- Оськин М.В. 2010. *Брусиловский прорыв*. — М.
- Павлов А.Ю. 2008. *Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны*. — СПб.
- Первая мировая война... 1968. *Первая мировая война. 1914–1918*. — М.
- Первая мировая война... 2011. *Первая мировая война: Взгляд спустя столетие*. — М.
- Пивоваров Ю.С. 2011. Русское настоящее и советское прошлое. — *Труды по руссиеведению*. — М. — Вып. 3.
- Предпринимательство... 1997. *Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века*. — М.
- Прот. Восторгов И. 1916. *Во дни войны*. — М. — Вып. 3.
- Прот. Восторгов И. 1917. Отрезвление. — *Московские ведомости*. — 1 янв.
- Прот. Леонид (Калинин Л.Д.). 2011. Православная церковь и Первая мировая война. — *Первая мировая война: Взгляд спустя столетие*. — М.
- Россия в мировой войне... 1925. *Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах)*. — М.
- Россия и Великая война... 2011. *Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы Международной конференции*. — М.
- Россия и СССР... 2010. *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. — М.
- Россия и США... 1996. *Россия и США: Торгово-экономические отношения*. — М.
- Румянцев Е.Д. 1989. *Рабочий класс Поволжья в годы первой мировой войны и Февральской революции*. — Казань.
- Семенников В.П. 1927. *Монархия перед крушением*. — М., Л.
- Сенявский А.С. 2008. Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века. — *Проблемы отечественной истории. Источники, историография, исследования*. — СПб., Киев, Минск.
- Сергеевский Б.Н. 1933. *Пережитое. 1914*. — Белград.
- Сидоров А.Л. 1960. *Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917)*. — М.

- Симчера В.М. 2006. *Развитие экономики России за 100 лет.* — М.
- Сидоров А.Л. 1973. *Экономическое положение России в годы первой мировой войны.* — М.
- Советское ВПП... 2005. *Советское военно-промышленное производство. 1918–1926.* — М. — Т. 2.
- Соколов А.К. 2012. *От военпрома к ВПК. Советская военная промышленность.* — М.
- Стариков Н.В. 2007. *Не революция, а спецоперация!* — М.
- Тарновский К.Н. 1958. *Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности).* — М.
- Ткачев В.М. 2007. *Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917.* — СПб.
- Торпан Н.И. 1988. Финансово-монополистические группировки в военной промышленности на территории Эстонии в 1911–1917 гг. — *Изв. АН ЭстССР.* — Т. 37. — Вып. 1.
- Тютюкин С.В. 1997. *Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста.* — М.
- Улуян Ар.А. 2002. *Балказия и Россия.* — М.
- Федоренко Н.П. 2003. *Россия на рубеже веков.* — М.
- Федосеев С.Л. 2009. *«Пушечное мясо» первой мировой. Пехота в бою.* — М.
- Фураев В.К. 1964. *Советско-американские отношения. 1917–1939.* — М.
- Ханин Г.И. 1993. *Советский экономический рост. Анализ западных оценок.* — Новосибирск.
- Хошимура Ш. 1978. *Теория воспроизводства и накопления капитала.* — М.
- Хрулев С.С. 1916. *Финансы России и ее промышленность.* — Пг.
- [Цветков И.Ф.] 1995. *История отечественного судостроения.* — СПб. — Т. 3.
- Шамбаров В. 2006. *Оккультные корни Октябрьской революции.* — М.
- Шацилло К.Ф. 1968. *Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.).* — М.
- Шацилло К.Ф. 2000. *От Портсмутского мира к Первой мировой войне.* — М.
- Шацилло К.Ф. 1998. Корни кризиса вооружений русской армии в начале первой мировой войны. — *Первая мировая война. Пролог XX века.* — М.
- Шевырёв А.П. 1990. *Русский флот после Крымской войны.* — М.
- Шелохаев В.В. 1993. Российские либералы в годы первой мировой войны. — *Вопросы истории.* — № 8.
- Шелохаев В.В. 1996. Либералы и массы в годы первой мировой войны. — *Вопросы истории.* — № 7.
- Шепелев Л.Е. 1973. *Акционерные компании в России.* — Л.
- Шишкин В.Ф. 1976. *Великий Октябрь и пролетарская мораль.* — М.
- Щагин Э.М. 2008. *Очерки истории России, ее историографии и источниковедения.* — М.
- Экономическое положение России... 1957. *Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.* — М., Л.
- Экштут С.А. 2012. *Закат империи.* — М.
- Яхимович З.П. 1998. О некоторых вопросах методологии исследования происхождения Первой мировой войны. — *Первая мировая война. Пролог XX века.* — М.
- Broadberry St., Harrison M. 2005. Introduction. — *The Economics of WWI: an Overview.* — Cambridge.
- Doughty R.A. 2005. *Pyrrhic Victory.* — Cambridge (Mass.).
- Gatrell P. 1994. *Government, industry and rearmament in 1900–1914.* — Cambridge U.P.
- Gatrell P. 2005. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1914–1917. — *The Economics of U.P.*

- Girault R. 1972. *Les relations économiques et financières entre la et la Russie de 1887 à 1914.* — Т. 2.
- Gourko B. 1918. *Memories and Impressions of War and Revolution in 1914–1917.*
- Hardach G. 1977. *The First World War.*
- Hautcoeur P.-C. 2005. Was the Great War a Watershed? The Economic of WWI. — *The Economics of U.P.*
- Higgs R. 1999. From Central Planning to the Market. The American Transition, 1945—1947. — *The Journal of Economic History.* — Vol. 59. — № 3.
- Holquist P. 2005. *Making War, Forging Revolution's Continuum of Crisis, 1914–1921.*
- Horn M. 2002. *Britain and the Financing of the First World War.*
- International banking... 1991. *International banking. 1870–1914.* — N.Y.
- Löhr B. 1985. *Die «Zukunft Russlands».* — Stuttgart.
- Read Chr. 1996. *From Tsar to Soviets, the Russian people and their revolution.* — Routledge.
- Rielage D.C. 2002. *Russian Supply Efforts in during the War.* — Jefferson.
- Stevenson D. 2000. French Strategy on the Western Front, 1914–1918. — *Great War, Total War.* — U.P.
- Stone N. 1967. Organizing an Economy for War: The Russian Shell Shortage, 1914–1917. — *War, Economy and Military Mind.* — Totowa (N.J.).
- Stone N. 1975. *The Eastern Front. 1914–1917.* — N.Y.
- Strachan H. 2001. *The First World War.* — U.P. — Vol. 1.